№ 106 ЦЕНА 10 СЕНТОВ

DIELO TROUDA

— ОРГАН —

ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

АПРЕЛЬ — МАЙ 1939 г.	„Dielo Trouda", 45 West, 17th Street, New York, N. Y.	15-й год издания

КТО ПРОВОКАТОР?

Гражданин В. Г. Кривицкий!

В вашей статье: „Рука Сталина в Испании", напечатанной в ,,The Saturday Evening Post" (апрель 15, 1939, № 42, Филадельфия, Па), на странице 121, первая колонка, имеются нижеследующие строки, непосредственно касающиеся русского анархического движения заграницей (приводим в переводе с английского):

„Сталин дал О.Г.П.У. задания поставить его во главе Испании. Мне это стало известно из доклада одного из лидеров русской анархической группы в Париже, который был секретным агентом О.Г.П.У. Он был послан в Барселону, где, как видный анархист, пользовался доверием анархо-синдикалистов из местного правительства. Его миссией было действовать как АГЕНТ ПРОВОКАТОР, подстрекать каталонцев к безрассудным поступкам, которые оправдывали бы призыв армии с фронта якобы в целях подавления бунта в тылу.

„Анархист-шпион представил подробный отчет о своих совещаниях с лидерами различных партий, доверием которых он пользовался, и о предпринятых им мерах, толкавших их на поступки, которые давали бы О. Г. П. У. предлог для них уничтожения. Он был уверен, что в Барселоне скоро произойдет вспышка".

КТО ЭТО ЛИЦО?

Почему вы его не называете по имени? Почему вы скрываете имя провокатора? Почему вы, расскрывая все, остановились перед расскрытием имени провокатора? Вы должны понимать, что подобное публичное разоблачение, скрывающее имя провокатора, в свою очередь является провокацией по отношению анархического движения, ибо вам, несомненно, известно, что в Барселоне был ряд наших парижских товарищей. Кто же из них сталинский агент-провокатор? Не называя имени провокатора, вы заставляете нас подозревать каждого из них и тем самым вносите в наши ряды элемент морального разложения.

Так не поступали разоблачители провокаторов в революционной среде: они называли провокатора по имени и пред'являли партии, в которой провокатор работал, факты. Вы выступили в печати с фактами и скрываете их автора: ищите, мол, сами, если верите мне...

Мы надеемся, вы исправите вашу ошибку и раскроете имя известного вам агента провокатора.

Кто-же сталинский агент-провокатор в анархических рядах, гражданин Кривицкий?

Мы требуем раскрыть его имя.

БУДЕТ-ЛИ ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА?

Мы уже писали по этому вопросу и ответили на него отрицательно. Дальнейшие события оправдали нашу точку зрения, несмотря на то, что перед Мюньхенским соглашением курки были на взводе и пушки заряжены и казалось вот-вот начнется пальба по живым мишеням, массовое убийство рабочих во славу и благоденствие некоторых групп своего отечественного капитализма. Но этого не произошло, потому что война не входила в рассчет английских Кливденов и французских стальных магнатов. Нужно было лишь создать страх войны, чтобы эксплоатируя этот страх, добиться нужных результатов во внутренней политике, направленной против рабочего класса.

Мюньхен, как мы утверждали, был направлен, во-первых, против рабочего класса в интересах международного капитализма; во-вторых, против России, в интересах английской империи в Азии. Наше утверждение было правильным и остается верным и теперь, несмотря на поднятую шумиху против Гитлера-Муссолини. Вся эта шумиха против них есть не отказ от Мюньхена, наоборот, дальнейшее его развитие в измененных, в соответствии с обстоятельствами, формах. Цели теже, методы другие.

Англо-французский капитализм оплачивает услуги Гитлера-Муссолини в Испании чужим добром: Чехословакия и Албания, Румыния и другие Балканские государства отданы на милость Гитлера-Муссолини. Шум, крик, угрозы, мобилизации, „окружение" Германии и Италии есть лишь дымовая завеса, скрывающая от широких народных масс подлинные цели англо-французского империализма, средства успокоения своего общественного мнения и средства шантажа и вымогательства различного рода политических и экономических концессий за счет, в первую очередь, французского и английского пролетариата. Искусственно создавая гитлеровскую мощь и воинственность Муссолини, французские капиталистические круги без всяких затруднений установили диктатуру Даладье, при помощи которой удлинили рабочую неделю, ввели новые налоги и гарантировали собственное спокойствие. Без Гитлера и Муссолини они никогда не преуспели бы в этом, они никогда не сломили бы так легко рабочий класс.

Благодаря Гитлеру и Муссолини, теперь все патриоты, все заражены военным психозом. Искусственно и искусстно раздуваемая опасность со стороны Гитлера милитаризирует рабочих, создает мирное сотрудничество классов, устраняет всякую опасность революции против отечественных эксплоататоров, усиливает реакцию и примиряет с ней пролетариат. Уничтожив республиканскую Испанию, при содействии Блюмов, Чемберленов, Даладье и Сталиных, захватив, при содействии мюньхенского соглашения, Чехословакию, итало-немецкий фашизм уничтожил последние очаги „демократии" в Европе, убивая и изгоняя все свободное, все независимое. Теперь Европа от края до края во власти самой страшной реакции. Рабочее движение задушено. „Порядок" восстановлен. Англо-французские Кливдены от удовольствия потирают руки. Они создали Гитлера, они толкают его на бесчинства и грабеж с убийством, а дома кричат: Гитлер угрожает нашей независимости, нашим демократическим учреждениям, надо готовиться к отпору, к войне: усилим вооружение, установим классовый мир дома, будем дружно сотрудничать, ограничим гражданские свободы, будем усиленно работать на оборону, удлинив часы рабочего дня и увеличив налоги. И Франция стала страной фашистской диктатуры во имя борьбы с фашизмом!.. Ловко обделывают капиталисты свои дела!

И этого не замечает рабочий класс. Этого не видят, или не хотят видеть, социалисты, радикалы и либералы. Они зовут к борьбе с лакеем, выполняющим волю барина, оставляя в тени самого барина — англо-французский империализм.

Сколько бумаги они исписали, доказывая Чемберленам, Даладье и стоящим за их спиной группам капиталистов, что Гитлер угрожает их насушным жизненным интересам. А баре посмеиваются над дураками и потирают от удовольствия руки: все идет, как по маслу — мы поддерживаем Гитлера, а радикалы нас против Гитлера, настроение которых, вслучае надобности, можно прибыльно использовать против него.

Пока что Гитлер и Муссолини никаким жизненным интересам англо-французской империи ничем не угрожают.

Как? Гитлер захватил Австрию, Чехословакию, экономически подчинил Румынию, поставил в зависимость Венгрию, захватил Мемель, угрожает захватить Данциг и Польский коридор. Муссолини захватил Албанию, сделал Адриатическое море своим озером, угрожает господству Англии и Франции на Средиземном море. Гитлер и Муссолини хозяйничают в Испании... Угрожают разделом Югославии и

являются господами положения на Балканах.

Все это верно. Ну, что же из этого? Посмотрим европейскую карту до Версальского мира. Не было Польского коридора и „свободного" города Данцига: они принадлежали Германии, Польша была разделена между Германией, Россией и Австрией. Чехословакия и Венгрия входили в состав Австро-Венгерской империи, значительная часть нынешней Румынии и Югославии принадлежала Австрии. Адриатическое море принадлежало Австрии и Италии. Балканы экономически зависели от Австро-Германии и Германия с Австро-Венгрией находились в тесном военном союзе и были во сто крат сильнее и богаче, чем современная гитлеровская Великая Германия, и Италия была их союзницей. Страдали от этого англо-французские интересы? Нисколько. Почему же теперь Великая Германия, обнищавшая, без денег, с дезорганизованной промышленностью, с порабощенным рабочим классом и без могущественного военного и торгового флота является угрозой этим интересам?

И английские Кливдены и Чемберлены прекрасно это понимают и помогают Гитлеру строить Великую Германию. Кроме выгоды они ничего другого получить не могут.

Для того, чтобы Германия стала подлинной, а не дутой, как сейчас, военной силой, необходимо привести в порядок и освоить захваты, наладить добычу сырья и промышленность, построить могущественный флот и поднять материальный уровень населения хотя бы до пределов 1913 года. На это требуются годы и годы. А пока что гитлеровская Германия служит полезную службу: во-первых, подавляет революционное движение у себя и создает условия легкой победы реакции за своими пределами: Франция блестящий пример; дает работу амуниционным королям, поддерживает и усиливает национальную обособленность пролетариата и постоянно подогревает в нем патриотические и шовинистические чувства. Во-вторых, сильная Германия, (не настолько сильная, чтобы быть опасной для Англии), является постоянной угрозой России, которая в Азии угрожает английским интересам.

Исходя из этого Англия и Франция будут продолжать Мюньхенскую политику. И я нисколько не буду удивлен, если завтра или после завтра, при наличии союза „анти-агрессоров" или без него, Гитлер и Муссолини безнаказанно разделят или общипают Югославию. Нисколько не буду удивлен, если, несмотря на обещание Англии охранять польскую независимость, Гитлер присоединит Данциг, корридор и Верхнюю Силезию, ибо это, с точки зрения английской дипломатии, не угрожает независимости Польши.

Воевать с Гитлером и Муссолини Англия не будет до тех пор, пока они не перейдут положенные им границы. А они их не перейдут в ближайшем будущем. Кроме того, война против Германии и Италии означает неизбежное военное поражение фашизма и, как следствие этого поражения, революцию в этих странах, которая незамедлит распространиться по всей Европе. Это знают и в Лондоне и в Париже, в Берлине и Риме. Войны, европейской войны, поэтому, не может быть в ближайшие годы, если боги не отнимут разум у диктаторов.

Будут, по-прежнему, продолжаться грабежи. Может быть устроят хорошую войну Германии против России, но и эта война не может иметь места в ближайшем будущем.

Положение дел в Европе требует очистительной грозы — Революции и если она случится без войны, тем лучше будет для человечества и для революции.

Г. Максимов.

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР „ДЕЛА ТРУДА"

будет посвящен 125-летию рождения Михаила Александровича Бакунина, основоположника революционного анархизма.

Специально для этого номера „Д Т" уже прислали статьи старые заслуженные деятели интернационального анархистского движения: Христиан Корнелиссен, Поль Реклю и д-р Марк Пьерро, деятели болгарского движения — Д. Василев, Б. Огнев и Пролетрий. Кроме того, обещали прислать статьи: Рудольф Рокер, шведские, голландские и русские товарищи.

НА ИЗДАНИЕ ХРЕСТОМАТИИ БАКУНИНА

ДОББС ФЕРРИ: Лычак — 3.00, А. Заг. — 2.00, АКРОН: П. Краснолоб — 0.50, И. Бурдыко — 0.50, Д. Трофимук — 0.50, М. Трутько — 0.50, П. Смолов — 0.50, М. Мошке — 0.50, М. Буков—0.50, В. Рогаткин — 0.50, С. Ошейчик — 0.25, М. Масловский — 0.25, Р. Дубеник — 0.10, И. Готальский — 0.10, Т. Драждeнюк, — 0.10, Ф. Дубатовка — 1.00. Всего: 7.30.

ТОВАРИЩИ! усиливайте сбор средств на издание юбилейного БАКУНИНСКОГО номера „Дела Труда".

ПОМОЖЕМ ИСПАНСКИМ БРАТЬЯМ

Нет больше республиканской Испании. Война проиграна... Революция рабочего класса раздавлена... Массовые расстрелы, о которых умалчивает международная буржуазная пресса, стали бытовым явлением... Десятки тысяч в тюрьмах, сотни тысяч на принудительных работах, полмиллиона в изгнании и содержится во французских концентрационных лагерях, в которых, по признанию даже буржуазных корреспондентов, условия гораздо хуже скотских.

Двери всех стран наглухо закрыты для „беженцев". Кому они нужны, эти крамольники: анархисты, синдикалисты, социалисты и прочие радикалы? Так называемые „демократии" предоставляют право убежища, но это право убежища предоставляется только почтенным и благонадежным буржуа, а не революционным рабочим. Только Мексика согласилась принять 40 тысяч, да некоторые государства центральной и южной Америки выразили согласие принять ничтожное количество. Франция всячески старается отправить „беженцев" на расправу Франко. Россия молчит, как воды в рот набрала: она дала 5 милл. франков, т. е. меньше 200 тысяч долларов, и этим кончила все заботы об испанских беженцах: она не может никого из них принять к себе, так как все концентрационные лагери, тюрьмы и места ссылки переполнены своими собственными анархистами, социалистами и радикалами, рабочими и крестьянами. Когда русские белые армии были разбиты и русские белогвардейцы наводнили страны Европы, Лига Наций создала специальный Комитет, во главе с Нансеном, и взяла на себя заботу о людях „без отечества".

Жертвы гитлеровского террора нашли почти во всех странах, кроме России, сочувствие и заботу и двери, туго и не широко, все-же открылись перед ними, главным образом, конечно, перед буржуа и полинявшими социалистами. Перед испанскими борцами за свободу двери всех стран закрыты наглухо, никакой заботы о них, их замалчивают, о них не говорят. Делается все, чтобы о них забыли. Мировая буржуазия явно сожалеет, что эта „анархическая и социалистическая сволочь" не попала в руки Франко, под револьверы его палачей.

Для буржуазии „Анархическая и социалистическая сволочь" — весь мировой революц. рабочий класс, и в первую очередь, конечно, испанский, которому она мстит за два с половиной года героической борьбы... Для нас эта „сволочь"— родные, кровные, классовые братья и мы не должны оставить их в нужде: им нужна наша помочь.

Окажем эту помощь с величайшей щедростью!

ПОСЛЕ БОЛЬШЕВИЗМА ЧТО?

(Окончание).

VI.

КУДА ИДЕТ РОССИЯ?

г) Неизбежность торжества анархизма.

Но доведут ли Россию до этого вырождения? Народ, как мы видели, приведен довольно близко к конечному пункту вырождения, к роковой, черте. И как будто нет никаких признаков в самой России, которые давали бы надежду, что роковая черта не будет перейдена. В стране царит безнадежность — явный признак смерти и разложения личности и нации. Нет никаких светлых перспектив на будущее. Будущее рисуется худшим, чем настоящее. И советский гражданин, согласно анекдоту, при встрече с знакомым на вопрос: как поживаете? — отвечает безнадежным: „лучше, чем завтра".

Если бы это было универсальным настроением в России, и среди народов и племен, населяющих ее, то можно было бы на ней поставить крест и сказать: это страна мертвецов, навоз для удобрения полей других наций. Но это не так. Я не мессионист, я не идеализирую своего народа и не принимаю его недостатки за качества, но, принимая во внимание об'ективные условия в России и вне ее, я говорю, что русский народ, все народы, живущие с ним под одним и тем же рабством, под одной и той же угрозой всестороннего вырождения, ходом истории, своеобразной исторической комбинацией, вынужден будет, именно вынужден, опять поднять знамя социальной революции, и на этот раз во имя торжества анархии и коммунизма, и стать во главе мирового освобождения от капиталистического ига, от фашистского произвола и марксистской, государственной метафизики, распинающей личность на кресте, во имя ее освобождения.

Страшно, мрачно и холодно в России. Многие, очень многие потеряли или выб-

росили на себя или отдали грабителям под дулом револьвера все ценное, хорошее веками накопленное историческим опытом своего народа и других народов.

Много в России живых мертвецов, — да где их мало! — Но, несмотря на все ужасы российской действительности, несмотря на беспредельный страх, несмотря на ежедневные муки и терзания в течении 20 лет, Россия не безнадежна. Нет, нет, она не безнадежна!

Ужасы террора , его небывалый размах в последние годы, разве не говорит вам о том, что террор направляется не на живых мертвецов, не на покорных рабов, не на людей со сломленной волей и выпотрашенной душой? Застращивают только тех, кто не имеет страха; сгибают насильно только тех, кто сам не желает сгибаться; преследуют только тех, кто не подчиняется и бунтует. И если за 20 лет разнузданного террора большевики не застращали народ, если они не согнули его и не отбили у него охоту к бунту, к протесту, то это значит, что жив еще народ, что он не изжил еще себя, что его воля сильна и стремления к свободе и справедливости неистребимы в нем. Перед таким народом широкая будущность, неограниченные возможности. Это значит, что такой народ не доведут до вырождения. Двадцать лет Россию тащат к рабству и вырождению, а она упорно упирается и в свою чередь пытается тянуть своих палачей на эшафот. И, поверьте, она, в конце концов, притащит их на эшафот, обязательно притащит. И это будет скоро, гораздо скорее, чем заставляет думать положение дел в России.

Страшно-кровавая и беспощадная народная революция ожидает Россию в ближайшем будущем. Всероссийский погром на коммунистов, всероссийская жакерия... Внешняя война, вероятно, расшатает железную дисциплину террористов и разнуздает народные страсти. Война Японии с Китаем быть может отстрочила эту революцию. Но международное положение настолько неустойчиво, что „неожиданности" вроде захвата Австрии, вроде мюньхенского заговора четырех держав, вроде раздела Чехословакии, вроде Блюмовской блокады революционной Испании, вроде Чемберленовского удушения Испании руками Муссолини и Гитлера и его политики изоляции России, вроде, пока еще безпочвенных, угроз захватить Украину, каждый день могут привести к осложнениям, могущим втянуть Россию в войну. Войны же Сталин, его клика и новый господствующий русский класс боится, как огня. Эта боязнь войны диктует внешнюю политику русского господствующего, паразитического класса — бюрократии. Ею, ничем другим, была продиктована политика лакейского услужничества перед англо-французским империализмом, который, к слову сказать, их жестоко надул, использовал в деле удушения Испании и выбросил, как выжатый лимон. По этой же причине русская бюрократия прямо поддерживала Муссолини во время Эфиопской кампании, снабжая его в кредит нефтью и другим сырьем.

По этой же причине русская бюрократия косвенно помогала ген. Франко, ведя усиленную торговлю с Гитлером, когда весь либеральный мир призывал и призывает к бойкоту Германии. Гитлер же безмерно снабжал русским сырьем и хлебом испанских фашистов. Не даром же в Испании говорили: „распорите живот фашиста и вы найдете там большевистский хлеб". По этой же причине русская бюрократия не двинула даже пальцем, чтобы помочь испанскому пролетариату и за все, что ему доставляла (не очень-то много), требовала уплату золотом и вперед. Никакого кредита! По этой же причине она оставила Китай и приказала своим китайским коммунистам забыть о пропаганде классовой борьбы и экспроприации земли.

Но спасет ли ее такая преступная иностранная политика? Наверно нет, Англия делает все, чтобы втянуть большевиков в войну и она, рано или поздно, втянет их, если они не уйдут из Синкианга, из Шенси, из Китая. Сомнения нет, мы гораздо ближе к концу драмы, не только нашей русской, но мировой, несмотря на победы фашизма; пожалуй, мы ближе к концу драмы именно благодаря этим победам.

Сомнения нет, новый господствующий русский класс не может быть, и не будет, долговечен! Он, при всем его желании, при всей его энергии и настойчивости, не успеет закрепить свое „отечество", отечество богачей, именитых бюрократов и бюрократического мещанства, бюрократической мелкой и средней буржуазии; он не успеет создать свою славу, закрепить свои традиции. Он ничего после себя не оставит, кроме ужаса и отвращения; народ сметет его с лица земли без остатка. На историческую сцену выступит анархизм. Да, да, на сцену выступит анархизм. Не книжный, догматический анархизм, а народный, стихийный, неосознанный, грубый, смешаный со многими пережитками государственности, церкви и марксизма. Но он постепенно и естественно будет очищаться от этих и других пережитков здравым, практическим народным смыслом во время повседневной работы на фабрике за станком, у машины; на обширных российских полях, в колхозах, за трактором, дисковой

бороной, сеялкой, молотилкой и веялкой; в железнодорожных мастерских, на пароходах, в кооперативах и в рабочих союзах, в школе и мастерской. Это—анархизм без анархистов, по крайней мере, в первое время. Об'ективные русские условия толкают на этот путь рабочих и крестьян.

В самом деле, разве можно допустить, чтобы рабочие захотели иметь на фабрике капиталистов? Абсолютно нет. Чем рабочий недоволен, против чего он бунтует и восстает? Против государственной эксплоатации, против эксплоататоров-чиновников; значит, вполне естественно, он захочет быть хозяином на фабрике, на всех фабриках, установить рабочее заводоуправление при помощи своего фабричного комитета, об'единить эти комитеты во всероссийском масштабе на федеративной основе и устанавливать свой свободный распорядок на фабриках; свой справедливый обмен, точнее распределение продуктов своего труда. Есть у него другой выход? Нет, другого выхода у него нет и социал-демократы и эсэры будут бессильны столкнуть его с этого естественного пути, который является продолжением того пути, на который он стал в 1917 году и с которого его сбили марксисты. Опыт даром не проходит.

А крестьянин? Пожелает он вернуть помещика? Никогда! Его сейчас загнали в колхозы, загнали ценою миллионов крестьянских жизней. Чем он сейчас недоволен? Колхозами? Нет, не колхозами. Он недоволен, он восстает, он бунтует против крепостничества в них, против государственного рабства в них, против обирательства, эксплоатации, принуждения, казарменного распорядка в них, против чиновников-мироедов и воров. Значит, что он хочет? Ясно, что. Освободиться от бюрократов, от государства, чтобы быть хозяином колхоза, устанавливать в нем свой свободный внутренний распорядок, пользоваться продуктами своего труда и установить справедливый обмен, или распределение, с фабриками и заводами. Положение такое, что даже самые закоренелые крестьяне-индивидуалисты и собственники уже понимают, что для них нет никакой возможности вернуться к единоличию и, если такие попытки будут иметь место, крестьянин не замедлит убедиться в невозможности и бессмысленности единоличного хозяйства. Остается только один и единственный путь — путь коллективного труда в колхозах, кооперация колхозов во всероссийском масштабе и организация обмена или распределения совместно с федерациями фабрично-заводских и прочих рабочих комитетов. А это есть анархизм, грубый, неотесанный, невполне осознанный, загрязненный множеством предрассудков и пережитков прошлого, но это анархизм, точнее, его фундамент, на котором с каждым днем все более и более сознательно будет строиться величественное здание свободы, равенства и братства, над входом в которое огненными буквами будет гореть бакунинское: „без свободы нет равенства, без равенства нет нравственности".

В России сейчас темная ночь, полярная ночь, но ведь и ей бывает конец. Приход утра никто не может остановить или замедлить. И это русское утро будет утром и всего международного пролетариата, всех тружеников всех стран. И это утро близко, радостное пробуждение не за горами. Не отчаивайтесь, не теряйте надежды, чтобы не случилось, какую бы бойню не учинили в Испании — Франко, а в других странах другие разбойники и высокопоставленные уголовные преступники, мы все-таки победим, утро все-таки придет. Придет, товарищи, обязательно придет, потому что еще не было случая, чтобы оно не пришло!

(Конец).

ТЕРРОР ПРОТИВ РАБОЧИХ

Террор против рабочих в полном разгаре. Большевистский кнут стегает русского рабочего так же больно и жестоко, как розга помещика-крепостника секла крепостного крестьянина, как нагайка казака рассекала спины недовольных крестьян и рабочих... Не **„также"**, а гораздо больнее и гораздо чаще... Нет, не чаще, а **постоянно:** кнут стал системой приведения к повиновению, системой воспитания безропотности против самой страшной, невиданной и неслыханной эксплоатации на фабрике и в колхозе. Но большевики стегают рабочих не только кнутом, кнута им мало, но тюрьмой, рублем и голодом. Это зверство настолько очевидно, насто-лько возмутительно, что даже в замордованной России, где страх управляет всем и всеми, все-таки находятся некоторые фабричные администраторы **и, представьте себе!** — даже профсоюзы, которые, невзирая на все возможные и неминуемые ужасные последствия, находят еще в себе мужество не проводить в жизнь со всей требуемой строгостью декабрьское постановление „о мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины"... **Это большое мужество!** И за это мужество они жестоко расплачиваются. А так как это мужество проявляется, повидимому, не отдельными единицами, не одиночками, а многими, то и расправа с „бунтарями"

беспощадна: чтобы другим не повадно было. На этих мужественных администраторов и профессионалистов со всей силой обрушилась огромная террористическая машина господствующего класса во главе с комиссарской аристократией. Комиссариат за комиссариатом опубликовывал по своему ведомству „указы" (даже здесь заимствуют от царизма!) о беспощадном преследовании „лодырей и дезорганизаторов производства" и их укрывателей. Передовик „Правды" (7 января 1939, № 7, „Профсоюзы и борьба за высокую дисциплину труда") негодует, что „многие профсоюзные органы и их руководители не боролись за установление сознательной железной дисциплины, не боролись с ее нарушителями". Передовик приводит в подтверждение два факта: на Верхне-Исетском Металлургическом заводе восстановили на работу машиниста Сомова и заставили администрацию уплатить „за вынужденный прогул"; заводская расценочно-конфликтная комиссия Ярославского резино-азбестового комбината восстановила прогульщика Морозова. Какое страшное преступление!.. И передовик гремит: „подобные факты свидетельствуют о том, что кое-где в профорганах есть еще люди, которые приспосабливаются к отсталым, шкурническим элементам, не хотят „ссориться" с ними, проводят явно антинародную (!!), гнилую линию. Пора решительно покончить с этой небольшевистской практикой!".

Передовик той же самой „Правды" (10 янв.) в статье-приказе: „В точности соблюдать установленную законом продолжительность рабочего дня", повелевает: „Нельзя позволить лодырям являться на работу, когда это им заблагорассудится... Лодыри должны почувствовать, что они работают на предприятиях и в учреждениях, принадлежащих советскому народу (что это за советский народ?!), который не потерпит нарушения дисциплины труда. Необходимо покончить с опозданиями на работу!".

„Советский народ" — это бюрократия, комиссарократия, которая, по примеру буржуазии, выдает себя за народ. И от этого „народа" передовик „Правды" требует точного выполнения отныне знаменитого „постановления": увольнять, как прогульщиков, опоздавших на работу трижды в течении месяца или четырижды подряд в течении двух месяцев; давать рабочим за опоздания выговор, выговор с предупреждением, переводить на нискооплачиваемую работу на три месяца, а опоздавших более чем на 20 минут увольнять немедленно.

Газеты переполнены угрозами против рабочих, оскорбительными словами: лодыри, шкурники, дезорганизаторы и пр. Не ищите в газетах причин опоздывания рабочих, причин плохой работы и низкой выработки, вы их не найдете. Это не в интересах нового господствующего эксплоататорского класса. И это, вполне понятно: какой эксплоататор будет искать причин такого рода явлений в чем либо другом, кроме лени рабочих? Никакой и никогда! Поинтересовались ли новые эксплоататоры сколько рабочий зарабатывает на своем каторжном труде в фабриках, „принадлежащих советскому народу" и сколько продуктов он может получить на свой заработок? Поинтересовались ли они в каких жилищах и как живет рабочий? Поинтересовались ли они каковы транспортные средства в распоряжении рабочего? Их это не интересует и они этим не озабочены: точь в точь как капиталист-потовыжиматель. Вместо повышения заработной платы, жизненного уровня, улучшения средств передвижения и условий труда — зажим, насилие, террор голодом, тюрьмой.

В целях беспощадного и точного выполнения „Постановления" администраторами, террор направлен и пртив тех администраторов, которые „покрывают" прогульщиков. „Правда" от 16 января сообщает о привлечении к суду советской прокураторой ряда „руководителей предприятий, учреждений, цехов и отделов, уклоняющихся от проведения соответствующих мер и оставляющих безнаказанными нарушителей трудовой дисциплины". Кроме того, приказами наркомов различных комиссариатов под суд отдано десятки администраторов. 19 января в Москве народным судом приговорены двое к лишению свободы на 6 и 8 месяцев; 20-го — еще двое на 3 и 6 месяцев тюрьмы; 21-го — в Ленинграде приговорены на 6 и 8 месяцев тюрьмы двое; кроме того, были тюремные приговоры в Москве, Харькове, Туле „и ряде других городов". 25 января выездной сессией Днепропетровского областного суда приговорены начальник депо Борисов к 8 месяцам, а начальник транспортного цеха зав. „Карл Либкнехт", — Гарбузов, привлекается к суду. 26-го января в Москве судились 5 администраторов: один приговоен к 8 месяцам, один к 7 и трое к 6 месяцам тюрьмы каждый. 27-го директор 2 московского молочного завода приговорен к 6 мес. В Туле 25 января директор сахарно-рафинадного завода Капуста осужден на 6 месяцев, заведующий хозяйством и транспортом Иванов на 4 месяца, начальник смены Владыченко на 3 месяца. И так без конца по всей стране. При таком драконовском преследовании „покрывателей", рабочий не может рассчитывать ни на какое послабление или извинение и увольнение рабочих все больше и больше при-

нимает массовый характе. За непродолжительный период времени уволено более 1000 рабочих, т. е. более 1000 рабочих приговорены к высшей мере наказания — к голодной смерти.

СТАРЫЙ МАСТЕР ВЫПЛЫВАЕТ НА СЦЕНУ

В армии дисциплина держится на ефрейторе и унтер-офицере: дери унтера, унтер будет драть солдата. На советской фабрике до сих пор не было настоящего унтера, которого можно было драть, чтобы он драл рабочих; мастер не имел административных прав. Теперь, в связи с террористической борьбой против „лодырей, прогульщиков и дезорганизаторов", поднята кампания за восстановление на фабриках института мастеров с административными правами.

Газеты переполнены корреспонденциями мастеров. Основной мотив этих корреспонденций: „нужно расширить права мастера". Мастер поднял голову и требует себе прав и соответствующих этим правам привилегий в новом классовом строе. Эти права и привилегии он получит и классовая структура большевистского государства будет закончена, ибо без промышленного унтер-офицера, без фабричного ефрейтора, эта структура не была законченной.

НОВАЯ ПРИСЯГА

В полном соответствии с изменениями в сторону контр-революции и закрепления нового господствующего класса, враждебного всему, что хоть в какой либо мере напоминает 1917 год и интернационализм, изменен и текст военной присяги рабоче-крестьянской красной армии и флота. Вот текст присяги:

„Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, блительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, безприкословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.

„Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до посдиго дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и **Рабоче-Крестьянскому Правительству.**

„Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, и клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

„Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся".

Стопроцентный патриотизм нового класса эксплоататоров... Устранено все, что касается социализма, защиты и освобождения рабочего класса и поддержки мировой революции. Армия уже не передовой отряд международного пролетариата, как было раньше, а защита „Рабоче-Крестьянского Правительства", которое является и родиной и народом. Грубый зоологический национализм — вот цель господ нынешней России.

В этом отношении 18 с'езд партии являлся весьма показательным. В то время, когда испанская проблема волновала весь революционный и прогрессивный мир, Коммунистический партийный с'езд, согласно отчетам американских газет, как „Нью Иорк Таймс", например, не произнес даже имени Испании: как будто ее не существует...

ОРДЕНА И ОРДЕНОСНАЯ ЛИТЕРАТУРА

... Орденосный коммунизм давно ввел ордена и соответственные этим орденам привилегии орденосцам: имеется орден Ленина, орден „трудового красного знамени", орден „красной звезды", орден „знак почета", и недавно введенные медали — „За трудовую доблесть" и „За трудовое отличие". В „Правде" опубликован список советских писателей, — армия в 172 человека, — награжденных орденами „за выдающиеся успехи и достижения". Новому классу нужны свои одописцы, свои Тредьяковские и вот он их покупает и подкупает. Ни один из „писателей" не имел мужества отклонить от себя такую „честь". За неимением орденов за усердие, прилежание и услужливость правительство вынуждено было наградить их орденами Ленина, трудового красного знамени и орденом почета.

Будем надеяться, что в следующем году, если правительство будет еще существовать, оно пополнит этот пробел и введет отсутствующие ордена и медали для литераторов, а так же чины и ранги для них, тогда у нас будет настоящая почтенная литература, — орденосная и высокопревосходительная. А самый лучший орден для литераторов СССР был бы орден „Красного Фонаря"...

ЧИТАТЕЛЬ!
ВСЕ-ЛИ ТЫ СДЕЛАЛ ДЛЯ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ?

ЛЮБОПЫТНЫЙ КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЙ ДОКУМЕНТ.

(Крестьянское письмо)

Нам в редакцию доставлено любопытное с культурной и бытовой стороны письмо крестьянина Волынской губернии. Мы приводим его здесь полностью без всякого изменения, кроме знаков препинания, которые в письме не признаются; наши пояснения некоторых мест письма вставлены в скобки.

18 ноября 1938 года.

Письмо от сестры Пелагии и мужа (ее) Василия и от их детей к своему брату Филиппу и жене (его) Анне.

Здравствуйте, дорого-любимые родители (родственники)! Честь имеем сообщить вам о том, что мы все до настоящего время находимся все живи и здорови чиво и вам всем желаем — всиво хорошого. При том сообщаем мы вам, что писмо ми ваше получили, за которе мы вам очинь сердечно благодарим, что вы про нас ище не забываете и пишете нам все подробно.

Типер, дорогие родители (родственники или родные), благодарим вам много раз за ваши фотографии, что позаботились и выслали к нам свои фото-карточки со сватьбы и с етого человека, что помер.

Ты знаеш, братец, как ты миня напугал етой фотографией, что на ней был снят умерший. Дело было такого рода. У нас сичас американских писем почтару не вручают, а нужно ити самому на почту и отбирать писмо. И вот я пошла на пошту Х..... (опускаем название села) и получила ваше писмо. Расорвала, а прочитать я ни могу. Как увидила гроб, так плакала с Х.... аж к своему селу, пока не встретила девушки, чтобы прочитала. Ох, беда, братец, неграмотному! Вижу на фитографии, что гроб, а прочитать не могу, плачу, что аж голова болит — я все думала, что ето ты, братец, помер.

Но ничево, я пришла домой, прочитали писмо и я аж дома поняла, что ето не ты помер, а дядюшка. Но ничево, прочитали писмо, полюбовались фотографией со сватьбой вашей дочери и тоже само посмотрели на ету, что с гробом, что так хорошо хоронят. Но у нас сичас тоже хорошо хоронят: с музыкой. У нас на К..., как померла девка, год 25 ей было, то хоронили с музыкой и очинь хорошо. Как заграли похоронниЧ марш, так удвоих лошади держали, а то пугалис, не хотели стоять. А старих так неважно хоронят. Теперь ми пропишим вам про папашу. Они пишут, что живут хорошо и здорови ешо, получили по полпуда на трудодень.

А от Аликсандра ешо в прошлом году, как было писмо, так ешо и небыло. Писал он, что работает деректором машинотракторной станции, живет хорошо, семья небольшая: имеет двое детей, мальчика и девочку; мальчику 11 год, а девушке 9 год—ходят обое в школу.

Типер мы пропишем тибе про Алешу. Он живет хорошо, только пишет, что он 4 года и птицы не видал: только гори и лиса, да камин, и всио им туда доставляют вдешку и шамок (пища), а оне работают. Только там все очинь дорого, особенно жиры. У нас 1 фунт сала—3 руб. 50 коп.—4 руб., там, где Алеша, 1 фунт сала 8 рублей, так что 2 фунта споловиной стоит 20 руб., а 2,5 будит означать 1 кило.

Типер пасилает тотка и дядя тибе, Мария, свое благословения и з твоим мужем, и з пожеланием вам всиво харошого в вашой молодой жизни, и желаем ми вам, чтоб ваша жизнь была така веселая, как и ваша сватьба была, и така богатая. Ты знаеш, дорогая наша племянница, когда ми получили вашу фотографию со сватьбы, так вся молодь сходилась и смотрела и любовалась вашой сватьбой, ибо в нас такой сватьбы ешо не было и не будет.

Типер, дорогие родители (родственники), ми вам пропишет, это наш син Федор, тот, что есть у вас на фотографии, приехал с Армии женат и погостил у нас три месяца и уехал обратно в город Г..., где он служил, и там стал на работу. Работает он инспектором охрани труда, получает в месяц 450 рублей. Пишет, что живет хорошо. Дали ему квартиру казенну и он сичас живет очинь хорошо. Прислал Нимидори гостинец — пальто на 300 рублей, Ксении — ботинки на 30 рублей за то, что, когда он уезжал, так они ево провожали на станцию. Затем до свидания. Остаемся живи и здорови, того и вам всем желаем.

ОТЧЕТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ИЗДАНИЮ ЖУРНАЛА „ДЕЛА ТРУДА"

Январь—Март 1939.

№ 105.

ПРИХОД:

ЗА ПРОДАННЫЕ журналы поступило от групп и отдельных товарищей: Ст. Луис — 5.10, Лагота (подписка), Чикаго — 1.00, Детройт, Коваленко— 6.50, Виндзор, Талан — 1.10, Акрон, Дубатовка — 2.00, Всего: 15.70.

В ФОНД „ДЕЛА ТРУДА" поступило от групп и отдельных товарищей: Ст. Луис — 3.50, Группа Кливеланда — 13,50, Моловичко, Ниагара Фолс — 2.00, Малаховец, Эмбридж — 5.00, Группа Юнгстауна — 4.00, Филадельфия, Прогрессивное Землячество — 15.50, Филадельфия, (по подписному листу на Бакунинский номер) — 14.50, Детройт, Коваленко и Гаврилюк (по двум подписным листам на Бакунинский номер) — 24.10, Виндзор, Белинский — 1.00, Група Детройта на издание Хрестоматии Бакунина — 3.50, Видзор, Буковецкий (на издание Хрестоматии Бакунина) — 5.00, Чикаго, Слоткин — 3.00. Всего: 94.60.

В ФОНД политзаключенных: Слоткин, Чикаго — 2.00.

ОБЩИЙ ПРИХОД: 112.30, дефицит от прошлых номеров — 60.08. Всего в кассе: 55.22.

РАСХОД:

Типография — 93.40, экспедиция — 6.79, выдано в Фонд издания Хрестоматии Бакунина—8.50, в Фонд полтзаключенных — 2.00. ВСЕГО: 110.69. Всего в Кассе: 55.22. Общий расход: 110.69, дефицит: 55.47.

Читайте и распространяйте журнал „Дело Труда"

РУССКИЕ В АМЕРИКЕ

(Разговор двух друзей)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ПЕТР МОТЮХИН: Старый работник в русском анархическом движении Соединенных Штатов. Остался верен революционной анархической идее и в годы разброда и разложения продолжал упорно заниматься собиранием сил и подбором кадров для создания выдержанного и оздоровленного движения в русской колонии. Последнее время начал проявлять признаки усталости. Слабый рост движения, оторванного от общего потока американской жизни, отсутствие тесного соприкосновения русских эмигрантов с борьбой американского рабочего движения, полная оторванность от России и почти полная приостановка русской эмиграции в Соединенные Штаты, которая раньше, до войны, пополняла ряды движения новыми силами, американизация подрастающего русского поколения, обусловили отсутствие в движении молодежи, все это стало сказываться на Мотюхине, перевалившего за сорок. Он навряд ли ясно разбирался в причинах его душевной усталости и об'яснял ее тупиком в работе, из которого не мог выйти собственными силами.

СТЕПАН ДЕМЧУК: Односельчанин Мотюхина, бывший товарищ по работе в Союзах Русских Рабочих, ровестник Мотюхина. Отошел на некоторое время от движения и упорным трудом пробился в американский университет и окончил его. Связан с левыми кругами американской интеллигенции, среди которой ведет работу в свободническом направлении.

(Действие происходит в квартире Мотюхина. Квартира бедно обставлена. Обилие книг: одни разбросаны в безпорядке, а другие сложены грудами, тянущимися к потолку. Мотюхин сидит у стола в глубокой задумчивости. Открывается дверь и входит Демчук, некоторое время стоит у двери и улыбался).

ДЕМЧУК: Здравствуй, Петр! Что это ты гостей не принимаешь?

МОТЮХИН: (От неожиданности вздрагивает и резко поворачивается). Степан!.. (Радостно идет ему навстречу и жмет руку). Какими судьбами?.. Почему не предупредил?..

ДЕМЧУК: Было по пути, решил заглянуть...

МОТЮХИН: Жаль, что та случилось...

ДЕМЧУК: Почему?..

МОТЮХИН: Да я бы товарищей известил о твоем приходе, если бы знал заранее...

ДЕМЧУК: С музыкой встретили-бы?..

МОТЮХИН: Не с музыкой, а смастерили бы товарищескую вечеринку, собрались бы, потолковали... А потолковать есть о чем...

ДЕМЧУК: Извиняюсь, дружище!.. Мой визит — неожиданность для меня самого: внезапно получил приглашение выступить в „Уай-Эм-Си-Эй" вашего района, ну и решил заскочить к тебе...

МОТЮХИН (удивленно): В „Уай-Эм-Си-Эй"!?.. В этом поповском учреждении?

ДЕМЧУК: (Дружески ударяет Мотюхина по плечу и направляется с ним к столу): Брось старую чепуху пороть. Ходить надо повсюду, где только имеется возможность и собирающаяся там публика, а там всегда много публики бывает, состоит из рабочей молодежи...

МОТЮХИН: Как же ты попал туда в докладчики?

ДЕМЧУК: Не беспокойся и не подозревай — совершенно случайно. В одном частном доме я встретился с руководителем этого форума, человеком либеральным, и, повидимому, произвел на него хорошее впечатление своим разговором... Сегодня утром он позвонил мне и попросил выступить с докладом по вопросу об экономической депрессии 1937—1938 годов, так как намеченный докладчик по каким-то причинам не мог выступить...

МОТЮХИН: Как же ты мог там развить наши взгляды? Сомнительно...

ДЕМЧУК: Ну, конечно, пришлось срезать острые углы и говорить с большой осторожностью и вести речь кружным путем... А к нашей точке все-таки подвел, не называя ее анархической, чтобы не перепугать сразу... Во всяком случае, у многих удалось разбудить мысль. Было приятно слышать хорошие отзывы и было радостно, что эти отзывы исходят от молодежи.

МОТЮХИН (Задумчиво): Да, это верно, и меня охватывает чувство радости, когда вижу перед собою молодые лица, молодых слушателей. Хотелось бы видеть молодняк и в наших рядах.

ДЕМЧУК: Ну, а как же у вас работа двигается?

МОТЮХИН: Копаемся понемногу... Тянем лямку...

ДЕМЧУК (Возмущенно): „Тянем лямку!".. Что за казенное выражение!... Чиновники вы, что-ли? По долгу службы работать изволите, а?..

МОТЮХИН: Пожалуй, что и так... Долг службы перед революцией, перед анархизмом... Мы—старые служаки и всецело захвачены идеей долга. Работаем и не спрашиваем имеются ли осязательные результаты. Вносим свою лепту, зная, что в общем потоке усилий и наша раобта вольется струей, пусть маленькой и еле-заметной, в революционную волну, которая когда нибудь и до нас докатится.

ДЕМЧУК: Этого мало. Нужно добиваться осязательных результатов.

МОТЮХИН: Конечно, мало... Поэтому у нас и людей мало: всего несколько групп в стране и в каждой едва-ли по десятку наберется...

ДЕМЧУК (С жаром): А почему только десятки? Почему не сотни? Русская колония состоит главным образом из рабочих и она может питать движение в десять раз больше нашего.

МОТЮХИН: Ушел ты от нас, Степан, оторвался от нас и теперь говоришь как чужой, как интеллигент, начитавшийся книжек про рабочее движение... Кто-кто, а ты должен знать нашу массу не хуже моего, ведь ты сам вышел из нее. Сейчас сотни людей в организации — это массовое движение на наш колониальный аршин. Массовое движение должно жить конкретными целями, а не отвлеченной идеей долга перед грядущей революцией. Понимаешь?

ДЕМЧУК: Понимаю, понимаю... Превосходно понимаю и говоришь ты правильно, дружище. Правильно — идеи долга мало, нужны конкретные цели... Вот я и говорю, что такие цели и нужно ставить.

МОТЮХИН (Несколько насмешливо и раздраженно): „Нужно ставить"... Искусственно не поставишь никаких целей... Наша масса живет мелкими интересами какого нибудь общества взаимопомощи и все, что выходит за пределы этих интересов, ее мало трогает, если вообще трогает. На какой-нибудь митинг протеста она придет, на лекцию придет, но дальше этого она не идет и не пойдет. Устарела, отяжелела, осела и барахтается в лужице личных мелких интересов, копается в маленьком мирке какого либо общества, насыщенного болотными испарениями обывательщины, а под час и белогвардейского национализма бывших золотопогонников.

ДЕМЧУК: А вы где? Какова ваша роль?

МОТЮХИН: Наша роль ограничивается извлечением из этого болота отдельных лиц, перевоспитанием их в анархическом духе. Здесь десяток, там дюжина... Издаем журнал, единственный анархический журнал на русском языке во всем мире, а это что-нибудь да стоит... Помогаем обще-американскому движению, вносим свою лепту на дело интернационального движения и твердо стоим на посту, не взирая на непогоду, и сдаваться не собираемся, если даже очутимся в положении одиноких единиц...

ДЕМЧУК: Так-так... Значит, дальше единиц и десятков пойти никак нельзя...

МОТЮХИН: Живого дела в русской колонии сейчас нет и сотням в наших группах нечего делать, круг работы сузился... Надежды на возвращение в Россию, которые раньше воодушевляли, поблекли. Большевизм нанес смертельный удар революции и породил духовную реакцию, разочарование и безнадежность в массах. Мы издаем и распространяем журнал, поддерживаем бодрость тех единиц, которые еще не пали духом. Это важно, это необходимая и ответственная работа в такое реакционное время, как наше. Нужно продержаться до следующей волны, которая рано или поздно опять зальет мир...

ДЕМЧУК (Встает и начинает шагать из угла в угол. Молчание. Вновь садится): Пораженчество, пораженчество, чистейшее пораженчество, недостойное для старого солдата революции!.. Все, что ты говоришь, и все, что вы делаете — недостаточно. И это особенно недостаточно сейчас, в настоящее время, именно в настоящее время...

МОТЮХИН: Почему, именно, сейчас? Ты, повидимому, живешь героическим романтизмом русской колонии времен Союзов Русских Рабочих. Это в далеком прошлом и настоящее совсем не похоже на это прекрасное прошлое. Ты оторвался от колонии и не знаешь ее...

ДЕМЧУК: Нет, мой друг, ошибаешься... Я говорю именно о теперешней колонии и не прикрашиваю ее прошлым. Именно теперешняя колония, колония без всяких прикрас, будет втянута в ближайшем будуще в обще-американскую борьбу, я это хорошо предвижу. Исходя из этого предвидения, я считаю, что наша установка должна быть именно на такого рода массовую борьбу.

МОТЮХИН: Темна вода во облацех... Не понимаю о чем ты говоришь... Фантазер ты, что-ли?

ДЕМЧУК: Фантазер!... Это вы фантазеры: говорите о действительности и не замечаете этой действительности у себя под носом... (Встает и говорит с азартом в лицо сидящему перед ним Мотюхину). Фашизм — действительность? (Мотюхин в знак согласия кивает головой). Да, да это действительность, горькая, неприкрашенная, неподслащенная действительность.. Фашистская волна вздымается во всем мире — это факт. (Мотюхин качает головой в знак согласия). А если это так, а это именно так, то где гарантия, что эта фашистская волна не ударит по нашему берегу? Такой гарантии нет и факты подтверждают это каждый день. Разве вы не замечаете, что фашистские государства уже пытаются использовать иностранные колонии Америки в качестве своих передовых разведочных и даже ударных отрядов? (Зашагал к углу).

МОТЮХИН: Какие такие иностранные колонии ты имеешь в виду?

ДЕМЧУК (Резко поворачивается, остановливается и начинает высчитывать на пальцах): — Это в первую голову, не-

мецкие, во вторую — итальянские, которые представляют огромную силу в этой стране. В Бразилии, Чили и в других южно-американских странах эти колонии уже использованы в качестве застрельщиков, зачинателей фашистского движения. Теперь Муссолини и Гитлер пытаются проделать тоже самое и здесь — немецкий „Бунд" доказательство, неопровержимое доказательство. (Подходит к Мотюхину и садится на свое место).

МОТЮХИН: Это верно, об этом не может быть двух мнений. Наши итальянские товарищи передают о наростании среди итальянцев реакционных настроений. Они говорят, что помимо государства этому в сильной степени содействует католическая церковь, которая очень влиятельна и держит в темноте итальянскую массу и страшно ее эксплоатирует...

ДЕМЧУК: Вот то-то и оно-то... Вот это реальность, это — действительность и против этой действительности нужно бороться. В немецкой колонии сейчас мы ничего не можем сделать, ибо наше движение в этой колонии, когда то очень сильное и влиятельное, сошло на нет, но итальянским товарищам мы можем помочь в их борьбе с проводниками фашизма — с Церковью и государством и с их агентами. Это дело неотложное и ответственное, ответственное перед американским рабочим классом и перед международным пролтариатом... Понимаешь?

МОТЮХИН: Понимаю и соглашаюсь на сто процентов. Мы, русские анархисты, должны им помочь. Но эта работа помощи, активной помощи, для единиц, а не для массы, ибо русского рядового колониста трудно вовлечь в эту борьбу, которая развертывается внутри итальянской колонии. Ты не можешь с этим не согласиться.

ДЕМЧУК: Трудно... Не только трудно, а пожалуй даже невозможно. Но зато среднего русского колониста легко вовлечь в борьбу, огромную важность которой он ощущает непосредственно.

МОТЮХИН: В какую-такую борьбу?

ДЕМЧУК: В борьбу против попыток фашистских агентов втянуть славянские массы Америки в их подлый заговор против американского народа.

МОТЮХИН: Почему именно славянские массы?

ДЕМЧУК: После Мюньхенского договора почти все славянские народы Центральной и Южной Европы втянуты в орбиту влияния немецкого и итальянского фашизма. Это значит, что будет сделано решительно все, и уже делается, чтобы овладеть славянскими колониями Америки: разжигается национальная страсть и вражда, пускаются в ход лживые обещания национальной изависимости, практикуется подкуп газет и влиятельных лиц, через фашизирующиеся славянские государства застращивается славянский колонист, церковь, католическая и православная, использовываются для этой цели очень широко, особенно для обработки галицийских украинцев. Год-два такой работы и фашисты, по примеру немецкого „Бунда", будут иметь украинских, словенских, словацких, болгарских, польских и пр. штурмовиков в Америке, работающих совместно с черносотенцами фордовской марки, и мы, русские, скоро это почувствуем: реакционные элементы белой эмиграции подымут голову и найдут опору во многих „коммунистических элементах", которые уже подготовлены политикой Сталина к восприятию фашистских идей...

МОТЮХИН: Все почувствуют, а не только русские...

ДЕМЧУК: Я говорю: мы, русские, потому что наша русская масса в бытовом отношении является частью славянского массива: происходящее в недрах славянских колоний непосредственно отражается в русской колонии и наоборот...

МОТЮХИН (Встает, ерошит волосы и взволнованно начинает шагать. Молчание. Демчук глазами следит за Мотюхиным). Гм... Кажется, я начинаю понимать тебя... Здесь, в Америке, мы, русские, можем сыграть роль, подобную той, которая теперь историей возлагается на итальянских товарищей... Мы должны превратить нашу русскую колонию не только в антифашистскую крепость, но и в таран, бьющий и сокрушающий фашистские образования в других нам родственных племенных колониях... (Останавливается перед Демчуком и в упор его спрашивает): Так я понял тебя?

ДЕМЧУК: Так, так... Именно так! (Мотюхин садится). Это, именно, я и имел в виду, когда говорил о теперешних задачах исторической важности, встающими перед нашим, анархическим движением в русской колонии. Больше того, это задача неизбежно встанет перед нами как вопрос самосохранения...

МОТЮХИН: То-есть, как так? Об'яснись.

ДЕМЧУК: Я верю в нашу рабочую колонию. Несмотря на низкий культурный уровень, она все-таки глубоко проникнута прогрессивными чаяниями. Как никакой, смутный отсвет Великой Революции, пусть далекий, смутный отсвет, озарил нашу колонию на короткое время. И несмотря на сумбур и сумятицу, внесенные коммунистами в сознание наших рабочих в результате последовавшего хода событий, колония все-таки сохранила неизгладимое воспоминание о тех годах. Вот почему она выдержала натиск „культуртрегеров", причаливших с константинопольских и владивостокских берегов, и освободилась от

плена развращенного и развращающего коммунизма, который ныне изживается...

МОТЮХИН: Да, наша колония нутром почувствовала их и отвернулась от них, отвернется и от фашистских агентов.

ДЕМЧУК: На счет будущего я не совсем уверен. Если бы дело было только в каких-нибудь Восняцких или даже в агентах половчее, то беспокоиться много не пришлось бы. Но нужно иметь в виду, что найдутся суб'екты из каких нибудь бывших „левых", вроде левого социалиста Муссолини или коммуниста Дорио — это уже другое дело... Эти суб'екты гораздо опаснее.. Но еще более опасно, так сказать, „атмосферное давление", исходящее из родственной среды других славянских колоний. Наш русский рабочий, работающий бок о бок с поляком, словаком, украинцем, выпивающий с ними в тех же „салунах", живущий в тех же городских кварталах, вступающий с ними в родство в порядке женитьбы и замужества, ходящий в одну и ту же церковь и справляющий те же праздники не может отгородиться от всего того, что волнует его соседей...

МОТЮХИН: Нет, не может. Но он не поддастся фашистским влияниям, наоборот, он будет бороться против них.

ДЕМЧУК: Пожалуй, будет бороться. Но его борьба будет успешной только лишь в том случае, если она будет направлена по руслу сознательного антифашизма. Сам по себе, без помощи сознательных организаций, он сдастся. Сначала повоюет со своим соседом по квартире, станку или пивной, а потом начнет прислушиваться. В этом, конечно, особой беды нет: пусть прислушивается, пусть взбудоражится, встрепенется от своей обывательской дремы, но мы должны будем это его состояние использовать для того, чтобы превратить его инстинктивный антифашизм в сознательный и революционный.

МОТЮХИН: Пожалуй, ты прав, Степан.. В самом деле, очень возможно, что наша русская рабочая колония скоро зашевелится и для нас откроется тогда широкое поле деятельности.

ДЕМЧУК: Поле будет чрезвычайно обширным, ибо борьбу придется перенести на территорию других колоний и в эту борьбу мы должны внести свою струю, а это может быть сделано только организованным анархическим движением русской колонии.

МОТЮХИН: Что ты, собственно, предлагаешь? Повести пропаганду в славянских колониях?

ДЕМЧУК: И в первую голову среди украинцев.

МОТЮХИН: Почему такой выбор?

ДЕМЧУК: Очень просто. Украинцы представляют силу, особенно в Канаде. Затем, гитлеровские агенты избрали украинскую колонию одной из главных мишеней своей пропаганды. Гитлеровская работа, руководимая из Берлина, идет полным ходом. Нам надо торопиться, надо выделить для пропаганды и для об'езда товарищей, знающих украинский язык. Надо открыть в журнале украинский отдел, издавать, по мере возможности, украинскую пропагандистскую литературу. Наша русская масса самым тесным образом связана в бытовом отношении с украинской и к ней нужно подойти в первую очередь.

МОТЮХИН: В отношении украинской колонии мы, пожалуй, это можем сделать. А как на счет поляков, словаков, болгар, сербов, словенцев и пр.?

ДЕМЧУК: У нас, конечно, нет людей, которые могли бы обслуживать эти колонии, но мы должны тщательно выискивать товарищей или просто людей нам сочувствующих в этих славянских колониях, созвать небольшую конференцию и разработать план немедленной пропаганды.

МОТЮХИН: Это, мне кажется, должно быть делом общего анархического движения.

ДЕМЧУК: Такого движения у нас, здесь, пока нет. Вот почему эта задача ложится на русское движение. И вот почему я утверждаю, что наше маленькое движение в маленькой колонии может сыграть крупнейшую роль в деле сплочения пролетарских сил здесь, в Америке. Славянский элемент представляет значительную часть обще-американского пролетариата, особенно в восточных штатах. На обработку этого элемента фашистскими агентами брошены большие средства, и часто, именно потому, что народная жизнь этих колоний скрыта от взоров американского общественного мнения, фашистским агентам удается обработать свои делишки. Но для нас, русских революционеров, имеются ходы в эту народную жизнь славянских колоний, которые почти недоступны другим. Эти ходы проложены самим бытом, соединившим русскую массу многочисленными нитями с остальным славянским массивом. С помощью этих нитей мы и должны втягивать этот массив в огромную борьбу против фашизма, начинающего поднимать голову и здесь, в Америке.

МОТЮХИН: Для меня теперь все ясно. Пожалуй, в самом деле, мы можем развернуть такую работу, которая и старый, до-Пальмеровский период оставит далеко за собой. Но где взять людей? Людей, людей где взять?!..

ДЕМЧУК (Дружелюбно усмехаясь): Вот видишь, а ты говорил, что у нас места нет для сотен, что у нас нет живого дела... Люди будут, если им дать такое живое дело. Надо брать таких людей из русской рабо-

чей массы. А для этого в первую голову надо превратить „Дело Труда" в еженедельник с боевой программой и с живым подходом к насущным интересам русской рабочей колонии. Но это уже задача более тесного организационного характера, которая может быть обсуждена лишь на групповых заседаниях.

МОТЮХИН (Отклоняется на спинку стула и чешет в затылке): Вот почему я хотел, чтобы мы собрались все вместе и потолковали... Ты прав, Степан, американский рабочий класс начинает раскачиваться, а с другой стороны реакция европейского образца, руководимая европейскими агентами, начинает готовиться к серьезному удару. (Встает и дружески, широко улыбаясь, ударяет Демчука по плечу, задерживая на нем руку): Да, Степан, пора и нам начать готовиться всерьез!

(Занавес падает).

Б—ский.

ВСТРЕЧА С ЕВГЕНИЕМ РЕЛЖИС

Имя Евгения Релжис, писателя мировой известности, мне было знакомо несколько лет тому назад. В 1932 г. я имел возможность в первый раз ознакомиться с ним на страницах нашего еженедельника „Мысль и Воля", в котором было напечатано несколько его статей. Мне было известно, что Релжис — многолетний редактор „Гуманитаризмул". Вокруг этого издания группировались все прогрессивные интеллектуальные силы Румынии. Мне было известно, что он является создателем „гуманитаризма", самобытного направления в культурной жизни соседней Румынии, которое поставило своей задачей синтезировать все великие культурные и прогрессивные идеи нашего времени.

Гуманитаризм, как его определяет сам Релжис, в исходном пункте — индивидуалистичен; но в своем конечном синтезе он — универсальный, общечеловеческий идеал. Многие основные положения анархизма, как-то: отрицание государства, власти, милитаризма, собственности и пр., занимают почетное место в гуманитаризме.

Два-три часа после его прибытия в Пловдив, мы имели продолжительный разговор и я имел случай наслаждаться глубокой и ясной мыслью этого великого писателя и человека. В Болгарии Релжиса знают слабо. Это об'ясняется особым положением, которое занимает Болгария по отношение к своей соседке. Состояние изоляции и шовинистической ненависти являются большими препятствиями к взаимному познаванию культурной жизни этих двух народов. Несколько лет тому назад „Мысль и Воля" и „Свобода" перевели кое-что о нем и кое-что из его работ и это было все. Первый еженедельник имел широкое культурно-анархическое направление, а второй писал в релгиозно-пацифистском, толстовском духе. Воспользуемся его приездом, чтобы поговорить с ним. Спросим его, где еще, помимо „Гуманитаризмул", издававшегося им втечении двух лет, он излагал свои взгляды.

— В „Гуманитаризмул" я проделал незначительную работу по ознакомлению румынской читающей публики с идеями гуманитаризма. Лучше я выполнил это в своих сочинениях, которые печатались в ряде газет и журналов заграницей. Много статей мною написано в „Л' Ан де Ор", во французском анархо-индивидуалистическом журнале. Переведена и издана по-французски моя брошюра „Гуманитаризм и Индивидуализм", с предисловием редактора „Л' Ан де Ор" Эмиля Армана.

— Где еще, помимо „Л' Ан де Ор", можно найти ваши статьи? Где больше всего вас любят и читают?

— Во французском журнале „Патри Юмень" и в испанских „Эстудиос" и „Ревиста Бланка". Они принадлежат к тем журналам, где я сотрудничал регулярно. Редактор „Ревиста Бланка", Фредерико Уралес, дал несколько прекрасных критических статей о моем учении и творчестве. Кроме того, мои статьи охотно печатаются и во многих других европейских и южно-американских изданиях. Наилучший прием мои взгляды получают среди народов латинской Америки: в Аргентине, Перу, в Бразилии меня много переводят и читают. В настоящее время мои сочинения переводят и в Испании *).

—А в Северной Америке? спросили мы. С усмешкой и легкой иронией писатель ответил:

— В царстве архимиллионеров и экономических магнатов меня не очень любят, но и туда начинаю проникать. Несколько месяцев тому назад я получил приглашение сотрудничать по культурным вопросам в большом барселонском ежедневнике „Солидаридад Обрера".

— И вы отозвались на это приглашение большого конфедерального органа?

— Я писал им, но не знаю, получились ли рукописи. Из нашей страны трудно писать в республиканскую Испанию.

— Каково ваше отношение к анархизму?

— Я не анархист, но имею большие симпатии к анархистам и они мне сильно симпатизируют. И это вполне естественно. Взаимная симпатия проистекает из сходства воодушевляющих нас идей. Гумани-

*) Интервью с Релжисом состоялось до победы Франко. Ред. „ДТ".

таризм есть критический метод и широкий культурный идеал *), к которому анархизм относится как видовое понятие.

— Знакомы ли вы с крупными культурными деятелями анархической мысли: М. Неттлау, С. Фор, Панаит Мушою?

— Многих интеллектуальных анархистов я знаю лично и со многими нахожусь в переписке.

Год тому назад, когда положение анархистов в Испании не было так плохо, меня, как и других видных личностей, приглашали приехать в Барселону. В ответ на это приглашение я написал задушевное письмо, которое было прочитано по радио.

Я знаю лично Неттлау, которого посетил в Вене. Тогда он жил в доме по Лазарет переулку в самом веселом городе. Жил он очень скромно, почти в бедной обстановке. Все комнаты его квартиры буквально были заполнены книгами. Даже комната, в которой он работал, не имела места для другого человека. На его столе едва имелось место, чтобы положить руку. Неттлау жил одиноким. Чтобы оградить себя от шпионов, он почти не выходил. А какой чудный человек он! Большой ум, проницательный и глубокий историк, острая мысль которого проникла в самые запутанные исторические проблемы. Он по истине историк. Ему рабочий класс обязан самой верной историей отношений между Марксом и Бакуниным в первом Интернационале, как и рядом других монографий и исторических исследований. Его сочинения: „Ранняя весна анархии", „Анархисты — социал-революционеры" и четырехтомная биография Бакунина составляют грандиозный духовный памятник бурных стремлений мыслящего человеческого духа! За усилия и жертвы, которые Неттлау принес, он вознагражден: ныне он директор барселонской библиотеки и пользуется глубоким уважением**).

Говоря о своих отношениях к Себастиану Фору, писатель добавил:

— Фор — человек исключительных способностей. Он является автором исполинского труда, каким несомненно является изданная им „Анархическая Энциклопедия". Это — эпоху делающее сочинение, в котором в алфавитном порядке раз'яснены с анархической точки зрения все понятия и термины. Под буквой „Г" отведено много места и гуманитаризму. Здесь мое учение определено и рассмотрено с такой научной точностью и ясностью, на которые способен только такой человек, как Фор. „Анархическая Энциклопедия" представила меня лучше всего, что было до сих пор написано обо мне.

Я пожелал осведомиться о Панаит Мушою, когда-то пропагандист анархизма в Румынии. Я знал, что он является первоклассным мыслителем и парадоксалистом, утонченный эстетизм которого доводил его до забавной эксцентричности...Я засыпал собеседника рядом вопросов о нем: где он, в каком положении и как проявляет себя?

— Он работал вместе с доктором Зосим, а теперь, с уходом последнего, продолжает работать в издательстве один. Значение Мушою в нашей стране довольно странное: его пропаганда анархизма дала читателям основные представления о социальной идее, а впоследствии они были втиснуты в социализм и остались там... Сейчас Мушою стар: ему 74 года, но духом он молод, бодр и активен. Продолжает оставаться верным своей галантности к женщинам и любви к удовольствиям. Сейчас он редактор „Ревиста Идеа" и живет в Бухаресте.

— Знаете ли вы о практической деятельности НКТ и ФАИ в Испании с начала войны до последнего момента?

— Знаком отлично с огромной строительной общественной работой испанских анархистов. Благодаря им было возможно организовать сопротивление и экономику в Испанской республике. Однако, анархисты совершили большую ошибку, когда согласились на сотрудничество с правительством. После закрепления положения на фронте и в тылу, анархисты были устранены и Испания попала в руки сталинцев, которые начали преследовать анархистов.

— Восхищен правдивостью ваших мыслей, сказал я, относительно ошибки испанских анархистов: они выражают блестящий метод и мое отношение к вопросу, которое я высказывал в ряде статей и в разговорах с друзьями.

— Я хотел бы получить от вас еще одно раз'яснение, для полноты впечатления, с которым я имею в виду поделиться с читателями „Дела Труда", что издается в Нью-Иорке. Я чувствую, что мысли, которые вы высказали будут встречены с интересом организациями русских рабочих в Соединенных Штатах и в Канаде, органом которых является „Дело Труда". Кроме того, русское издание имеет такое же отношение к поведению НКТ и ФАИ.

Надо полагать, что нашей работе в Румынии препятствуют крайне неблагоприятные политические условия, — почему же вы не последовали примеру Неттлау и не поехали в Испанию?

---

*) Метод не может быьт идеалом, как продукт работы какого либо инструмента не может быть самим инструментом. Ред. „Д.Т.".

**) Тов. Неттлау живет в Амстердаме и работает в Институте Социальной Истории, который откупил у него его огромную библиотеку. Ред.ДТ.

— В Румынии имеется много молодежи, которая рвется поехать туда, но правительство не пускает. Кроме того, теперь и там плохо. Друзья свободы преследуются и там.

Реджис—человек, который в культурной борьбе следует высокому идеалу и для которого честность и истина являются неуязвимой броней.

Г. Карамихайлов.

КУСОЧЕК ПРАВДЫ ОБ ИСПАНСКИХ КОММУНИСТАХ

(НКТ И ФАИ в защиту П.О.У.М.)

Печатаемые нами документы доставлены нам из Испании. Эти документы чрезвычайной важности—они проливают свет на преступное поведение испанской компартии, работающей по московской указке. Документы говорят с какой энергией и с каким упорством испанские коммунисты пытались повторить московские процессы в Испании. Они же преподнимают край завесы над „таинственным" исчезновением одного из руководителей П.О.У.М., Андрея Нина, стоявшего в резкой оппозиции к своему бывшему хозяину, к Коминтерну, т. е. к Сталину. Эти документы следовало бы издать отдельной брошюрой и широко распространить. Может быть найдутся товарищи, которые имеют возможность истратиться на издание этих документов брошюрой. Мы же со своей стороны, чтобы удешевить издание, будем сохранять их набор. Кроме того, нам следовало бы издать по-английски, сборник материалов и документов о террористической деятельности испанских коммунистов против левого сектора испанского рабочего движения, включая сюда и данные документы. Раскрыть реакционную и контр-революционную сущность большевизма на свежем испанском примере чрезвычайно важно и необходимо во всех решительно отношениях. Это диктуют интересы мировой социальной революции. —Помните, теперь мировая буржуазия охотно покрывает подобные большевистские преступления, не доводит их до сведения рабочего класса, потому что они ей на руку. Мы предлагаем всем читателям „Д.Т." серьезно обдумать наше предложение и решиться на расходы.

РЕД. „Д.Т.".

За последнее время заграницей было много разговоров о том, что НКТ и ФАИ, мощные пролетарские организации Испании, ничего, или почти ничего, не делали в защиту преследуемых членов ПОУМ (Пардидо Обреро де Унификасион Марксиста — Рабочая Партия Марксистского Об'единения). Намекалось даже, что НКТ и ФАИ из-за своей бездеятельности и молчания оказываются сообщниками тех, кто подготовлял этот позорный процесс. Анархические организации Испании могли бы немедленно опровергнуть подобные инсинуации, но они предпочли работать, не подымая шума, над восстановлением правосудия по отношению к членам ПОУМ, считая такой образ действий наилучшим способом делать антифашистское дело. Теперь, после того как процесс членов ПОУМ закончился, мы находим желательным дать нашим читателям все сведения о шагах, предпринятых нашими организациями, дабы обеспечить и гарантировать отправление правосудия в интересующем нас случае. Ниже мы приводим текст некоторых документов, достаточно красноречивых, чтобы опровергнуть все подвохи наших недоброжелателей.

Информируя общественное мнение о мероприятиях Анархического Движения, предпринятые в защиту ПОУМ, мы находим нужным поставить в известность всех, что Рабочая Партия Марксистского Об'единения с момента своего основания вела борьбу с анархическими организациями, более или менее интенсивно; с другой стороны, лидеры ее несколько раз пытались произвести раскол в рядах НКТ и, наконец, нам известны статьи, опубликованные в английской печати одним из руководителей данной партии — АНДРАДЭ, в которых он, без видимого основания, клеветал и оскорблял испанский анархизм. Принимая во внимание, что ПОУМ является марксистской партией, никогда не упускавшей случая нанести вред анархизму, наши организации могли бы ничего не предпринимать в защиту данной группировки. Однако, мы поступили иначе. Как только мы установили всю несправедливость травли коммунистами 3-го Интернационала названной партии, мы стали на защиту правосудия. Несмотря на многократные попытки коммунистов организовать показательный процесс над руководителями ПОУМ, несмотря на все доводы, приводимые коммунистами в доказательство виновности последних, НКТ и ФАИ не изменяли своей линии поведения и всегда требовали документальных доказательств и настояли на устройстве гласного суда. Вся без исключения анархическая печать страны заявляла, что пока суд не вынес приговора нельзя обзывать шпионом или предателем кого бы то ни было из членов ПОУМ.

Когда Компартия Испании и ПСУК (Партидо Социалиста Унификадо де Каталунья — Об'единенная Социалистичес-

кая Партия Каталонии, входящая в Коминтерн) начали, с помощью своих агентов в полицейских органах, фабриковать процесс ПОУМ, Национальный Комитет НКТ обратился с циркулярным письмом к Правительству и Национальным (Центральным) Комитетам всех антифашистских группировок, в котором изложил мнение анархического движения относительно этого процесса. (См. документ № 1). Мы остаемся на этой же точке зрения и сейчас.

Как только было сформулировано предварительное обвинение и подсудимые были переданы в распоряжение судебного следователя, Национальный Комитет НКТ поручил одному из своих адвокатов т. Бенито ПАВОН защиту членов ПОУМ. Павон энергично взялся за дело и собрал первые материалы в защиту своих клиентов, но как только враги ПОУМ узнали кому поручена защита Пумистов, то защитник стал получать безымянные угрожающие письма. Чем дальше, тем больше адвокат получал угрожающих писем. Принимая во внимание, что в этот период политическое положение в стране было весьма запутанным, в результате событий имевших место несколько недель раньше, а также под влиянием угроз, Павон принужден был спасаться заграницу и отказался от защиты ПОУМ. В жалобе, посланной им из Парижа Министру-Президенту, Павон об'яснил причины, побудившие его покинуть Испанию.

В начале 1938-го года, когда ПОУМ подвергся особенно сильным преследованиям, Полуостровной (Иберийский) Комитет ФАИ выступил политическим поручителем за некоторых членов ПОУМ. Мы не приводим имен, но, в случае надобности, мы можем представить неоспоримые доказательства. Когда было секвестровано полицией Управление Политического Красного Креста — ПОУМ, то тот же Комитет вновь хлопотал перед министром Внутренних Дел за снятие секвестра.

Летом, когда предполагалось, что будет слушаться дело руководителей ПОУМ и не находилось ни одного адвоката, который согласился бы их защищать, Полуостровной (Иберийский) Комитет снова пришел на помощь подсудимым. Члены Комитета, т.т. Сантильян и Эррера, получили поручение похлопотать перед другими антифашистскими организациями с целью найти защитника для членов ПОУМ. Некоторые партии дали обещание предоставить кого либо из адвокатов, членов партии, но ни один из обещанных адвокатов не согласился взять на себя защиту подсудимых. В конце концов, защита была поручена адвокату Юридической Секции Национального Комитета НКТ, Ревилья, который весьма успешно провел порученное ему дело. Во время процесса он произнес сильную защитительную речь, краткое содержание которой мы приводим ниже (См. документ № 2). До процесса наши делегаты настаивали на предоставлении подсудимым всех необходимых гарантий и беспристрастности суда.

Иберийский Комитет ФАИ установил постоянное дежурство своих членов в зале суда с целью иметь достоверные сведения о ходе судопроизводства. Ветеран анархического движения, т. Эмма Гольдман, присутствовала почти на всех заседаниях суда. Руководители НКТ и ФАИ, вызванные на суд в качестве свидетелей, высказывались в пользу подсудимых. (См. документ № 3). Во время процесса, когда один из свидетелей, политический комиссар Восточного Фронта , Вирхилио Льянос, выступил с заявлениями, отрицающими виновность членов ПОУМ, сказав, что воинские части, руководимые членами этой организации, покинули фронт и направились в Барселону, и сослался в подтверждение своих слов на старого активного работника анарх. движ., ныне подполковника, Гарсия Виванкос, то последний, как только был осведомлен о словах, вложенных в его уста Вирхилио Льянос, написал открытое письмо с опровержением, которое, однако, не было пропущено к печати (См. документ № 4).

В промежуток между окончанием слушания сторон и вынесением приговора Трибуналом, коммунистическая печать начала клеветническую кампанию против ПОУМ, допуская даже фальсификацию свидетельских показаний наших товарищей, и требовала осуждения подсудимых. В противовес этой кампании анархическая печать опубликовала свидетельские показания, благоприятные подсудимым (См. документ № 5).

Сверх того, наша печать поместила ряд статей в защиту подсудимых, в которых опровергались поклепы, возводимые на ПОУМ ее врагами. (См. документ № 6).

Для полноты данной информации следует прибавить, что не только НКТ и ФАИ, но и Анархическая Молодежь выступала в защиту подсудимых и не раз этой организации приходилось вступать в столкновение с неприятелями ПОУМ, когда они желали увлечь все юношеские организации Испании на путь травли Рабочей Партии Марксистского Об'единения.

Читайте и распространяйте журнал „Дело Труда" — орган анархо-коммунистической мысли.

ДОКУМЕНТ №1

ПРЕЗИДЕНТУ РЕСПУБЛИКИ, ПРЕЗИДЕНТУ КОРТЕСОВ (ПАРЛАМЕНТА), СОВЕТУ МИНИСТРОВ, МИНИСТРАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ЮСТИЦИИ, ВСЕМ НАЦИОНАЛЬНЫМ (ЦЕНТРАЛЬНЫМ) КОМИТЕТАМ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ АНТИФАШИСТСКОГО ФРОНТА БОРЬБЫ.

*

Характерной чертой Национальной Конфедерации Труда, равно как и анархистов Испании, является их беспредельная любовь к справедливости и донкихотство, заставлявшие их ломать копья в защиту всех гонимых и слабых. Вот почему мы считаем нашей моральной обязанностью довести до сведения властей и группировок, единым фронтом ведущих борьбу против фашизма, настоящий документ, полагая, что он найдет нужный прием и отклик и будут предприняты меры к пресечению указываемых злоупотреблений.

В политической жизни республиканской Испании имело место событие, которое мы не можем обойти молчанием. Прежде чем поднять этот вопрос, касающийся проблемы общественного порядка и права, мы тщательно обдумали его и с полным сознанием ответственности ставим его перед компетентными органами.

Уже несколько месяцев как в Испании, а с декабря 1936-го года в Каталонии, ведется систематическое преследование одного антифашистского об'единения, которое принимало участие в баррикадных боях в дни июля, участвовало в военных действиях, вызванных сопротивлением мятежников. Данная группировка — Рабочая Партия Марксистского Об'единения (ПОУМ), — насчитывает в своих рядах тех из марксистов, что находятся в оппозиции к Советскому Правительству и к политике Сталина в Коммунистическом Интернационале. Но это нас мало интересует. Мы совершенно не вмешиваемся во внутренние распри между фракциями, которые находят кровавое разрешение в СССР.

Нас интересует и заставило написать настоящий документ другое, — это путь, по которому пошло правительство в своей непомерной угодливости и потери всякой независимости, а также полной апатии всех других антифашистских партий и организаций пред лицом факта вытеснения из политической жизни страны более или менее мощной партии, завоевавшей известное влияние в массах. Следует заявить, что превосходно организованная и дисциплированная, сохранившая за собой мощные аффективы, Н. К. Т. не боится, что завтра подобный же процесс постоянного вытеснения может коснуться ее. Стоя выше этой полу-фракционной борьбы, мы обращаем внимание только на одну конкретную сторону вопроса и защищаем ту точку зрения, которая нам кажется наиболее правильной и справедливой. Мы не вдаемся в споры имеются или нет в рядах ПОУМ агенты-провокаторы или фашистские шпионы и вражеские агенты. Возможно, что имеются, как имеются они и в остальных партиях и организациях. Нам нечего было бы сказать, если бы было возбуждено судебное преследование против определенных лиц с соблюдением юридических норм. Но травля ПОУМ, начатая в Каталонии в декабре месяце и систематически продолжающаяся, не началась процессом против некоторых ее членов, оказавшихся агентами фашизма, а что подобный процесс может оказаться лишь предлогом для обоснования преследований, и ход событий заставляет нас этого опасаться, после того как данная партия не в состоянии принимать участия в общественной антифашистской жизни. ПОУМ удален из Генералидата (автономного Правительства Каталонии) из Совета Обороны, Комиссариата, вплоть до управления Санчастью. Подобное выживание началось не с мая этого года, а с декабря прошлого. С момента же майских столкновений преследования приняли определенную форму и стали проводиться открыто: преследования не отдельных лиц, а определенной партии. Преследования отдельных ее членов повелись только теперь, дабы придать травле форму будто бы юридическую и „пришить" им преступный замысел.

Сверх того, как в Каталонии, так и в остальной части Испании, **не все** партии и организации находят необходимым вести преследования ПОУМ и настаивать на роспуске этой партии. Добивается последнего только одна партия, идущая к этой цели с характерным упорством и настойчивостью. Остальные партии являются лишь безучастными зрителями неравной и низменной борьбы между слабой партией и партией сильной, пользующейся моральным кредитом в республиканской Испании, благодаря поддержке СССР нашему делу. Такой способ действия нам кажется вступлением на скользкий и опасный путь. Данные способы борьбы не были известны раньше в Испании, где, не смотря на обострение междупартийной склоки, она не переходила известных моральных норм. Мелкие политические партии, выразительницы оттенков общественного мнения, показатели духового богатства нашей земли, являются порукой тому, что здесь невозможно установление диктатуры правых или левых, они имеют полнейшее право на существование. Обстоятельства меняются, и малюсенькая партийка, имевшая только один орган и

одного молчаливого депутата, вдруг приобрела первенствующее влияние и увеличилась количественно. Такие факты наблюдались неоднократно в нашей политической истории. Примером как раз и могут служить республиканские партии, вчера еще сведенные почти на нет, а сегодня играющие первые роли в политике страны.

Жестокий закон, что щука проглатывает пискаря, всегда был противен рыцарскому духу испанцев, которые всегда старались, более или менее, обеспечить жизнь пискарю. Мы полагаем, что путь, указанный уничтожением ПОУМ, чреват опасностями и для других малочисленных партий. Попытка, создания мощной „Единой Партии Пролетариата" должна была бы навести на размышления будущих пискарей и взяться за защиту норм политического сожительства немного больше благоприятных по отношению к слабым.

По нашему мнению декрет Министерства Юстиции, создающий специальные Трибуналы с судопроизводством за закрытыми дверями, напоминающие недоброй памяти Трибуналы Крови, является лишь уступкой Коммунистической Партии Испании и СССР, с целью, чтобы последняя могла добиться уничтожения партии, именующейся Марксистским Об'единением. Либеральное общественное мнение Испании не может дать согласия на подобный шаг.

Пусть в СССР разрешают проблемы как могут и как там диктуют обстоятельства, но невозможно перенести на нашу почву ту же самую борьбу, огнем и мечем, преследуя партию или фракцию оппозиции: на мировом поприще — в печати, перед судом — здесь, используя в качестве оружия, моральный шантаж весьма низкой пробы. Имеются в ПОУМ уклоняющиеся от выполнения своих обязанностей, агенты Франко, провокаторы и шпионы? Так пусть они будут задержаны и судимы, при условии, что это не является только подтасовкой, и расстреляны. Но только агенты Франко, шпионы и провокаторы, а не члены партии, которые хотят уничтожить, поставив сначала вне закона, а затем расправиться с ее руководителями, с людьми имеющими за собой долгую историю борьбы и своею деятельностью завоевавшими влияние в массах. Нас нельзя убедить, что НИН, АНДРАДЭ, ГОРКИН, ДАВИД РЕЙ и др. — шпионы, агенты фашизма, предатели и т. д. Не достаточно сказать, что это так, необходимо еще дать доказательства истинности подобных утверждений, равно как, если бы голословно было сказано, что Гордон Ордас или Алборнос, а также и генерал Мияха — агенты фашизма. Необходимо, чтобы доказательства виновности преследуемых разбирались гласным судом, а не при закрытых дверях в весьма подозрительной форме, копирующих методы других стран.

Вышеуказанные руководители ПОУМ, находящиеся в заключении или приказ о задержании коих дан всем полицейским силам страны, — старые активисты и революционеры. Вполне возможно, что они могли продаться и перестали быть революционерами, но невозможно их стереть с лица земли лишь из-за того, что в нашем распоряжении имеется репрессивный и юридический аппарат.

В виду всего вышеизложенного и того, чего мы не находим нужным приводить в настоящем документе, мы считаем нашей обязанностью довести его до сведения Президентов Республики и Парламента (Кортесов), Министра-Президента, Министров Юстиции и Внутренних Дел и до Национальных (Центральных) Комитетов всех партий и организаций. Мы обращаем внимание всех и призываем к великодушию испанцев и, одновременно, предупреждаем слабых, что завтра они могут быть поглощены, если найдутся силы, которые найдут, что у них достаточно сил на это. Нет! Невозможно допустить, чтобы мы вступили на эту наклонную плоскость. И тому, кто вступит на данный путь грозит опасность разбиться вдребезги. Ненужно терять хладнокровие и такта. Именно это-то хладнокровие и такт и доказывают, что тот, кто является достаточно сильным, может позволить себе роскошь уважать и относиться терпимо к своим противникам и рассматривать расхождения между партиями и существование различных точек зрения, а также взаимное между ними сожительство, как духовное богатство Испании, как залог того, что в будущем, победив врага, наша страна выработает свои чисто иберийские формы социального строя, в коем невозможно будет опасаться какой-либо диктатуры, навязанной ли силой, или путем поглощения сильных слабыми.

Как заключение ко всему вышесказанному, просим, во имя правосудия, во имя уважения к конституционным нормам и правам каждого отдельного гражданина, составляющих основу демократического строя, прекращения преследований против ПОУМ. Также настаиваем на предании руководителей этой партии суду с соблюдением всех правовых гарантий с целью доказать испанскому общественному мнению и революционерам, что обвинения, на них возводимые, несправедливы. Ведь эти обвинения для борцов, вышедших из народа и боровшихся с фашизмом с оружием в руках, в тысячу раз хуже, чем смертный приговор, так как они их обесчещивают. Все люди с либеральным

мнениями, обладающие чувством справедливости, обязаны поддержать наше требование. Иначе за что же борются антифашисты Испании, республиканские силы ее, если наш народ хотят погрузить в ночь притеснений, террором заставляя молчать тех, у кого не умерла совесть, дабы установить условия для существования диктатуры.

Валенсия, 28-го июня 1937 года.

За Национальный Комитет Н.К.Т.

Секретарь **Мариано Р. Васкэс.**

(Печать).

(Продолжение следует)

Исторический Отдел

В Историческом Отделе мы печатаем статьи в порядке их поступления. В следующем выпуске „Дела Труда" пойдет статься тов. Л. Липоткина.

Товарищи, продолжайте писать свои воспоминания. Особенно просим описать наше движение в Сиатле, Ваш., в Лос Анжелосе и Сан-Франциско — оно до сих пор осталось неосвещенным.

О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЧИКАГО

Я намерен сказать несколько слов о революционной деятельности русских в Чикаго, в надежде вызвать интерес у товарищей, которые работали в Чикагском русском движении и знают о нем больше, чем я, и тем самым побудить их поделиться своими воспоминаниями на страницах „Дела Труда".

Я приехал в Америку 1 сентября 1913 года. Первым моим городом был Джимсити, в штате Пенсильвания. Первым заводом — стеклянный завод, расположенный в лесу в семи верстах от этого города. Работа на этом заводе была очень тяжелая, по этой причине на нем работали только свежие, „зеленые" эмигранты, главным образом поляки, словаки, украинцы и русские. Эксплоатация была страшная. Поэтому и „зеленые", как только маломальски осваивались со страной и становились более смелыми, оставляли завод и пускались в поиски более сходных условий труда.

На заводе и в городе не было никакой русской или какой-либо славянской организации. Темнота, политическая темнота, была беспросветная. Читались главным образом реакционно—националистические газеты: украинцы „Свободу", а поляки „Эхо". Русские читали, более или менее прогрессивный тогда, „Русский Голос".

Только, если не ошибаюсь, в конце 1915 года к нам заглянул социалист, агент „Нового Мира", Коносевич или Корносевич, точно не помню, но что то в этом роде. Многие подписывались на „Н.М." и мы впервые стали читать социалистическую газету. Шла мировая война, интерес к ней был большой, а хороших грамотеев среди нас было мало. Максим Руссак был одним из хороших грамотеев и больше других разбирался в политике, вот он читал и раз'яснял нам, как вопросы связанные с войной, так и общие политические вопросы. Во время пальмеровских погромов он был арестован в Филадельфии и выслан в Россию.

На заводе работали: П. Романчук, М. Архипчук, В. Сарабан, С. Бондарчук, Н. Кравчук и В. Хевчук, он-же Федченко. Последний был самым активным, самым грамотным и начитанным. Он уже был знаком с социализмом и анархизмом и часто вел беседы на эти темы, его даже прозвали — „Василь Анархист".

Большинство рабочих было религиозными и Василю было тяжело вести борьбу с религиозной темнотой. Но он не унывал и время не терял: выписал букварь и стал учить грамоте, снабжая обученных чтению брошюрами и книгами революционного содержания, главным образом по социализму и анархизму. Не взяло и двух лет, как Василь добился своей цели — товарищи перестали ходить в церковь и приносить попу тяжело заработанные гроши в виде подаяния. За год пребывания на заводе новички эмигранты приободрились, посмелели и начали раз'езжать по стране в поисках лучшего, где можно было бы удовлетворить духовные потребности и жажду к знанию и образованию. В 1917 году я, вместе с Хевчуком, уехал в Вилинг, Вест Вирджиния, а оттуда в штат Огайо. В 1918 году Хевчук поехал в Чикаго, куда впоследствии он выписал и меня. В Чикаго я был некоторое время еще в 1916 году, но мне не понравилось и я уехал обратно.

В Чикаго в это время действительно жизнь кипела в русской колонии: война и революция пробудили к жизни и к действию всех русских. Все старались быть организованными, грамотными и старались приобрести какое либо полезное ремесло, чтобы не оказаться безполезными в России после возвращения. Благодаря энергичной деятельности Братьев Шве-

дов, Ярмолика, Боровского, Н. Грибова и др. организовался Союз Русской Молодежи, который не имел определенного политического лица: в нем были членами и церковники и радикалы. Союз каждое воскресенье устраивал лекции, рефераты или дебаты на самые разнообразные темы; в прениях активное участие принимали Хомич, Грибов, Федченко, он-же Хевчук, и многие другие. Работа в Союзе Молодежи кипела: организовались кружки, члены ходили в школы грамотности и в ремесленные школы, своими силами устраивались вечеринки, ставились театральные представления, посещали уличные митинги, устраивавшиеся анархистами из небольшого (чел. 10—12) кружка „Рука Помощи Политическим Заключенным и Ссыльным" на углу Роби ул., а социалистами „Нового Мира" на углу Юнион и 12-ая улиц.

Собрания и лекции Союза Молодежи посещались социалистами, индустриалистами и анархистами: Беккер, Стоценко, Поллак, Конецкий и др., в целях пропаганды и вербовки членов. Борьба за влияние в Союзе Молодежи шла главным образом между социалистами и индустриалистами.

Хотя Федченко был анархистом, но он состоял членом в русском отделе Индустриальных Раб. Мира и был очень активен. Федченко серьезно подготовлялся быть пропагандистом и оратором. Мне вспоминается такой смешной случай. Как-то я зашел к нему и не застал его дома. Хозяин квартиры с некоторым испугом сообщил мне, что ему кажется, что Федченко немного тронулся с ума.

— „Сами подумайте, говорил он, человек становится перед зеркалом, говорит с собой, размахивает руками, аж жутко смотреть"...

Я успокоил его, об'яснив, что Федченко в здравом уме и в доброй памяти, что он просто на просто учится говорить, хочет быть декламатором, изучает наизусть стихи. Но сам-то я подумал, что с Федченко, действительно, творится что-то неладное... Но с ним ничего не случилось, он действительно готовился быть оратором.

Этому Фендченко пришла в голову мысль вступить в отдел социалистической партии для пропаганды анархизма, но его не приняли, так как должен был иметь рекомендацию двух членов социалистической партии, а этих рекомендаций он достать не мог.

Союз Русской Молодежи одно время насчитывал около ста членов. Естественно, что привлечь такую организацию на свою сторону было желательно и социалистам и индустриалистам. В Союзе нередко выступали Стоклицкий, Столар,Кремер, Титус и многие др. Но так как в то время Русский отдел И.Р.М. в Чикаго был довольно сильным (в него входили: Хомич, Сангин, Левкович, Тарасюк, Ф. Ковшило, Мосиюк, Шелов и такие опытные и образованные руководители индустриалистской прессы, как Я. Санюк (Яков Санжур) и Стоценко) и издавал газету и так как активные члены союза: Н. Грибов, Дубов, Бобрук, А. Кравец-Кануча, пишущий эти строки и др. были склонны к И.Р.М., то влияние последних в Союзе было очень сильным. Борьба, поэтому, окончилась победой индустриалистов: большинство членов присоединилось к ним и Союз распался, приблизительно в 1909 году.

Деятельность Русского Отдела Индустриальных Рабочих Мира затруднялась отсутствием достаточного числа интеллигентных и опытных агитаторов и пропагандистов, а между тем провинции настойчиво требовали присылки их. Тогда Я. Санюк (Санжур) начал подготовлять агитаторов из самих рабочих. Он обратил внимание на Федченко, Хомича, Конецкого и др. и Отдел стал посылать их в качестве агитаторов в шахтерские города питтсбургского района.

Федченко был по убеждениям анархист и склонялся на сторону Союза Русских Рабочих. В этом именно духе он и повел свою пропаганду. В Маунсвиле, Вест Вирджиния, он столкнулся с выдержанным индустриалистом Макарусем. Последний не мог согласиться с идеями Федченко, которые, по его мнению, ничего общего не имели с основными положениями И.Р.М. На этой почве произошло столкновение между ними, которое Отделу пришлось улаживать.

Ознакомившись с положением дел в питтсбургском районе, Федченко выяснил, что существует большая нужда в литературе. Он немедленно написал мне и попросил выслать на его имя литературу. Я не замедлил выполнить его просьбу. Накупил на семь долларов брошюр и послал ему. На почте посылка была вскрыта. Установив, что литература анархическая, власти арестовали Федченко и посадили в тюрьму; затем он был освобожден под залог в 1000 д. Залог пропал, потому что Федченко на суд не явился. Затем и я был арестован за распространение анархической литературы, бывшим социалистом Шпилевским, который, во время пальмеровских погромов, служил в политическом сыске и играл большую роль в деле разгрома русских организаций и ареста их членов. Меня, продержав некоторое время под арестом, освободили под залог.

После пальмеровских погромов и депортаций в России революционная деятельность среди русских стала падать, замирать. Движение из массового превращалось в групповое. Группы, небольшие по числу членов, стали ссориться между со-

бою и до сих пор не могут придти к соглашению, чтобы работать совместно и солидарно в интересах освобождения рабочего класса.

Несколько слов о Федченко. Он уехал в Россию в 1920 или вначале 1921 г. Однако ,он там долго не прожил. Вскоре по приезде в Москву он выступил против большевистских заправил на каком-то митинге и был арестован. Чекисты спросили его, не из Америки ли он? Он ответил утвердительно. Тогда его повели на дом для обыска. Когда чекисты увидели американские чемоданы, набитые бельем, одеждой и другими вещами домашнего обихода, у них разгорелись глаза. Они поставили перед Федченко на выбор: или в тюрьму или чемоданы им. Фендченко выбрал последнее и покинул пределы СССР, пробравшись в Польшу, где живет и поныне, в Брест-Литовске.

С. Качула.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С МЕСТ

ЦЕННАЯ УСЛУГА.

ДЕТРОИТ. Бывают случаи, когда враг приносит больше пользы, чем друг. После того, как нью-йоркский реакционный (большевистский) „Новый Мир" и коммерческий „Русский Голос" об'яснились в любви и стали жить под одной крышей, их медовый месяц меркантильного сожительства ознаменовался рядом лекций „профессоров", „докторов", „студентов" и прочих дипломоносителей.

Цель этих лекций — создать устойчивую материальную базу, из которой „сожители" могли бы черпать жизненные соки. Здесь, в Детройте, 2-го февраля, в большевистском зале „студент" Калифорнийского университета читал лекцию: „Наша родина и ее внешняя политика". Но мы хотим говорить не о лекции и не о лекторе, а о происшествии на лекции: о том, как один из большевиствующих оказал ценную услугу журналу „Дело Труда".

Я имею обыкновение распространять журнал не там, где к нему благоприятное отношение, а там, где к нему отношение враждебное или по сознанию или по невежеству: среди церковников, бывших белогвардейцев и большевиков — бывших красногвардейцев. Зайдя на лекцию студента Калифорнийского университета, я в течении нескольких минут продал восемь экземпляров „Дела Труда" и пожалел, что не взял с собою больше. Распродав журнал, я сел послушать, что будет говорить „студент". Представьте себе, износившуюся грамофонную пластинку, из канавки которой не может выскочить иголка, и вы слышите безконечное повторение одного и того же, пока не поможете иголке преодолеть препятствие. Представив это, вы избавляете меня от необходимости описывать лектора и лекцию. Однако, я не могу преодолеть искушение в нескольких словах поделиться с читателем моим впечатлением о красноречии начинающего русского Демосфена из Калифорнийского университета.

„Наша родина — Советский Союз — сильна тем, заявил Демосфен, что не принимала участия в Мюньхенском соглашении". Это заявление вызвало у одного из слушателей вопрос: „Значит, по-вашему, и все остальные страны, которые не принимали участия в мюньхенском соглашении, тоже сильны? Почему и чем силен Советский Союз, который не принимал участия в мюньхенском соглашении?".

В ответ наш юный Демосфен из Калифорнии разразился такой филиппикой: „Мы знаем, кто задал этот вопрос. Этот вопрос говорит сам за себя. Что это за вопрос? Мы знаем, кто его задал"... И Демосфен завертелся в заколдованном кругу повторений, как в известной песенке: „У попа била собака"... Лекция „студента" — первые робкие и неверные шаги начинающего, первая поступь в темные дебри марксистской диалектики.

Лекция окончена, вопросы „исчерпаны". Председатель доводит до сведения слушателей, что „один наш товарищ хочет сделать маленькое заявление". На сцене появился небольшой человечик с лицом фанатика и начал говорить. Он говорил о классовой борьбе, о долге, о сознании, а в руках вертел какой-то белый бумажный сверток, скрученный в трубку. Напрягаю внимание, чтобы разобрать о чем идет речь, и вдруг слышу: „Здесь, в зале, есть товарищ, которого я не думаю следует называть товарищем. Этот гражданин продавал здесь вот этот журнал" (при этих словах он развернул белую трубку и показал слушателям, которые прочитали: — „Дело Труда"). — Выдержав приличную паузу и держа перед собою, как икону, журнал „Дело Труда", он добавил: „Мы не запрещаем продавать здесь этот журнал, но заявляем, что мы ничего общего с этим журналом не имеем... Ай-тенк-ю".

Попробуйте придумать лучщую рекламу журналу! Первый, кто отозвался на эту рекламу, был сам лектор. Он торопливо попросил передать ему журнал и впился в передовую: „Торжество уголовщины", в которой автор статьи обнажил замыслы мировых бандитов по отношению испанских тружеников.

Хочется верить, что зерно правды журнала „Дела Труда" упадет на добрую почву: „студент" мало похож на развращенного марксизмом болтуна...

Вторым был рабочий из большевиков. Я ожидал трамвая, чтобы ехать домой и он подошел, чтобы взять тот-же трамвай, и спросил: „нет ли у вас еще журнала?" А затем, один за другим, пошли спрашивать и другие из большевистской публики. Пришлось выписать добавочное количество журнала, чтобы удовлетворить спрос. Вот как иногда злые намерения повредить приводят к противоположным результатам.

Спасибо за ценную услугу. Имя человека, давшего рекламу, — Сердюченко.

Ф. Коваленко.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ „ДЕЛА ТРУДА"

ВИНДЗОР, Онт. Я пропустил за ноябрь-март „Дело Труда" и теперь скучаю, как никогда. Конечно, „Дело Труда" не по моей вине я не получил: кто-то раньше меня последний номер купил. Поверьте, по идее мой брат, „Дело Труда" сознательные рабочие берут на-расхват. И поэтому я, хотя и очень рад успеху „Дела Труда", но для меня беда, потому что я остался без упомянутого номера „Дела Труда". Теперь вот, поэтому вам пишу и очень прошу: не откажите и немедленно упомянутый номер мне пришлите. Хочется прочесть, а за то, что вы в „Дело Труда", как и всегда, правильно освещаете мировые события, и беспощадно бичуя эксплоататоров мира сего, к освобождению рабочих призываете, вам всем слава и честь. Хотя я знаю, что вы славы не хотите и честью не нуждаетесь, ибо ваши великие желания выше чести и славы. О чести и славе вы сможете ответить так и в этом будете вполне в праве: „что нам ваша честь, если вы, многие рабочие, не можете сами своего положения учесть! Что нам слава, когда вы, рабочие, располагаете силой, как клокочущая вулканическая лава, но не имеете достаточно сознания и смелости завоевать у своих эксплоататоров на вольную жизнь полного права.".

Вот поэтому я и говорю, что ваши великие желания освобождения угнетенного рабочего класса выше чести и славы, ибо ваши желания, (как всем нам известно), чтоб рабочие всего мира дошли до полного сознания и, сплотившись, дружно и тесно, весь мир угнетенных рабочих всколыхнули и со своих плечей всех диктаторов-палачей стряхнули и, освободившись от всех эксплоататоров и всякого зла, чтоб наша жизнь рабочих впредь красивою была. Так я вас понимал и понимаю и, искренне приветствуя, я вас сердечно поздравляю с начатым великим делом, которое является самой важной необходимостью в нашей жизни, в успешной борьбе за наше полное самоосвобождение от ига капитала и всякой власти.

Речь идет об издании книги „Учение Михаила Бакунина", обязанность написать которую вы взяли на себя. За что я вас поздравляю и в начатом деле полного успеха вам желаю и от себя на это великое дело пятерку прилагаю и всех других моих, многое-множество, товарищей призываю поступить не по моему примеру, ибо я знаю, многие способны дать больше меня и в это я вполне верю.

Товарищи, если многие из вас открыто не выступают, но в душе сознают, что раньше или позже все же рабочие должны освободиться от угнетателей наших — (а только стоит сильно захотеть и это время не за горами) — и, об'единившись крепко между собой, мы сможем стать настоящими свободными людьми. Поэтому, если всеже по каким либо причинам мы боимся и молчим, тогда давайте скорее тех поддержим, которые не боятся палачам в глаза сказать: смерть или свобода, но не должно быть ни палачей, ни тюрем, ни эксплоататоров у освобожденного рабочего народа. Товарищ Максимов взялся за это великое дело, которое есть и наше общее великое дело — давайте же поможем ему довести это дело до успешного завершения.

С товарищеским приветом

Александр Коносевич-Буковецкий.

P. S. В беседе с некоторыми моими товарищами по идее, поддерживающими „Пробуждение", об издании книги „Учение Бакунина", они высказывают желание такое: мы с готовностью поддержим тов. Максимова в его начатом хорошем деле, так как Бакунин всем нам одинаково дорог, ибо он жизни своей за нас не жалел и всем своим революционным анархическим сердцем горел в борьбе за полную свободу всему угнетенному народу. Поэтому они предлагают для более успешного завершения дела общую с делотрудовцами кампанию по работе скорейшего выпуска нашей Бакунинской книги.

Я вполне с таким мнением согласен и от души еще раз желаю полного успеха в начатом великом деле.

К.—Б.

ПИСЬМА И ОТЧЕТЫ

Акрон. — 8 января 1939. — Уважаемые тов., посылаю денежный перевод на 20 дол. и 5 сентов: от продажи 102, 103 и 104 номеров „ДТ" — 6.00 и 14.05, собранных по подписному листу.

Жертвовали: Ф. Дубатова — 2.00, И. Старец— 2.00, Н. Смолов, Майк Буков, Иван Бурдыко, Семен Гуцев, Василий Рогаткин, Д. А. Мельник по одному доллару; М. Масловский, М. Трутько, И. Готальский, Н. Цимончик, В. Монит по 50 сентов; П. Краснолоб, К. Ашейчик, Ф. Трофимук, Мери Москке, Т. Дрожденюк, Г. Мамай по 25 сентов и В. Фалденшин 5 сентов. Всего 14.05.

С тов. приветом Ф. Дубатовка.

Лос Анжелос. — янв., 1939. Тов. Еленский, прошу передать в „Дело Труда" 13 дол., посылаемые нашей группой.

С тов. приветом Катя Руссакова.

Виндзор, Канада. Тов. Ков. Прошу переслать в „ДТ" 1 дол. и 30 сентов, Вырученные от продажи 104 номера „Дело Труда".

С приветом, Талан.

Детроит. — 20 января, 1939. — Уважаемые товарищи, посылаю вам 16.50. Эта сумма составилась следующим образом: 5 дол. от продажи № 104 „ДТ" и 11.50 от группы для покрытия дефицита журнала.

С тов. приветом Ф. Коваленко.

Нью-Иорк. — Янв., 1939. — Уважаемые товарищи, посылаю вам в фонд „Дело Труда" 10 дол., ассигнованные 16 отделом РООВ.

С приветом, Нина Самусина.

Нью-Иорк. — Уважаемые товарищи, посылаю на „Дело Труда" 25 дол. Сумма эта образовалась следующим порядком: от кливеландской группы, через товарища Соловьева — 13.50, от товарища Миловичко, Ниагара Фолс, 2.00, от товарища Ма-

лоховца, Эмбридж, Пенсильвания — 5.00, от Юнгстаунской группы, через товарища Медынича, — 4.50.

С товарищеским приветом,

И. Данилюк.

ДЕТРОИТ. — Март 21, 1939, Дор. Тов., 35 дол и 20 сентов, пересылаемые чеком в данном письме, составились следующим образом. от продажи журнала „ДТ" — 7 дол. и 60 сентов, включая в эту сумму и один доллар и десять сентов от тов. Талана; Собрано по подписному листу ном. 2 тов. Гаврилюком — 10 дол. и 25 сентов, по подписному листу ном. 3 собрано тов. Коваленко — 13 дол. и 85 сентов; на издание книги „Хрестоматия Бакунина" группа пожертвовала 3 дол. и 50 сентов.

ИТОГО .... 35.20.

С тов. приветом

Ф. Коваленко.

ВИНДЗОР, Онт. — Через тов. Коваленко от тов. Петра Белинского 1.00 дол. в фонд „Дела Труда".

АКРОН, О. — Получено через тов. Еленского от тов. Дубатовки 2.00 дол. за проданные экземпляры „Дела Труда".

МАДИСОН, Илл. — Фев. 21, 39. — Уважаемые товарищи, в виду того, что я потерял способность видеть на правый глаз — ужас, который я не могу забыть — я долгое время не мог уделять время организационным делам. Теперь я немного пришел в себя и стал опять интересоваться нашим общим делом. При сем письме прилагаю перевод на 4.60. Эта сумма составилась так: за проданные номера „ДТ" — 3.10, пожертвования: от Р.М. — 0.50 и от М. Х. 1.00. Всего: 4.60.

С тов. приветом

М. Х.

МЕДИСОН, Илл. — Марта 30, 39. — Уважаемые товарищи, высылаю вам денежный перевод на 4.00. Эта сумма составилась следующим образом: за проданные экземпляры „ДТ" — 2.00, пожертвования: Н. Антонович — 1.00 и М. Хведченя — 1.00. Всего: 4.00. С тов. прив. **М. Х.**

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, ПА. — Март 28, 39. — Уважаемые товарищи, посылаю денежный перевод на 30.00 долларов: 15.50 в фонд журнала „ДТ" из кассы Прогрессивного Землячества и 14.50 собрано по подписному листу на Бакунинский номер. Подписной лист выслан федеративному секретарю с уведомлением, что деньги посланы по вашему адресу. С тов. приветом **Е. Белопол.**

ЮНГСТАУН. Апрель 4. — Уваж. тов. Свободин, прилагаем при сем денежный перевод на сумму 18.25 и подписной лист № 18. Эта сумма распределяется следующим порядком: собрано на юбилейный бакунинский номер „ДТ" — 10.25, за проданные №№ „ДТ" — 3.00, в фонд регулярного издания „ДТ" — 5.00. (Жертвовали: Кубик — 2.00, П. Шмит — 2.00, С. Кондрук — 1.00). Итого: 18.25.

Группа Юнгстауна.

Юнгстаун, О. По листу № 14 собрано тов. Медыничем 22 дол. Жертвовали: С. Медынич — 2.50, П. Вакульчик — 1.00, Энди Де Тоффол—1.00, П. Шумко — 10.00, Альберт — 1.00, В. Безпятый — 1.00, А. Рей — 0.50, С. Зубин — 2.00, Делеголо — 0.50, Б. С. Гонзолец — 1.00, В. Хиерро — 0.50, П. Семенос — 1.00. Всего: 22.00.

НЬЮ-ИОРК. Апрель 11. — Уваж. Тов., посылаю на „Дело Труда" 51.00. Сумма эта составилась следующим образом: Загайгора — 5.00, Лычак — 6.00, Кондрат—3.00, Зеленюк — 5.00, Филиппов, Канада—2.00, Буков, Акрон—4.00,Союз Росс. Тружеников, Монтреаль — 9.00, Нагорный — 2.00, Бойко — 1.00, Мурашко — 2.00, Малаховец, Эмбридж — 3.00, Данилюк, за проданные номера „ДТ" — 6.00, Самусин — 2.00, Лапыш — 1.00.

Федеративный Секретарь

А. Свободин.

ВОТЕРБУРИ, Конн. — От тов. Арсенюка, через А. Свободина, получен почтовый перевод на 24.40. Из этой суммы 4.15 идут на „ДТ", а остальные предназначаются Комитету по изданию книги Максимова: „Учене М. А. Бакунина" и должны быть переданы секретарю Комитета Б. Еленскому.

На издание книги жертвовали следующие товарищи: Василий Арсенюк — 12.00, Даниил Безув — 0.50, Самуил Халамике — 0.25, Константин Волчук — 0.25, Гери Стешик — 0.50, И. Ткачев — 0.25, Д. И. Буслов — 0.25, Г. Пастушек — 0.50. Всего по подписному листу № 12 собрано т. В. Арсенюком 14.50, на „ДТ" — 4.15, т. е всего — 18.65, а прислано 24.40. Кто жертвовал остальные 5.75?

НА ИЗДАНИЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КНИГИ МАКСИМОВА: „НАУЧНЫЙ АНАРХИЗМ. Хрестоматия М. А. БАКУНИНА" Собрано по подписным листам:

Эмбирдж. Собрано тов. Рулем по подписному листу №11 девять долларов и 25 сентов. Жертвовали: Павел Руль — 1.00, Н. Вотович — 0.25, Алексей Прямов — 0.25, Фома Малоховец — 2.00, Иван Пекарчик — 0.50, Симоня Барицкий — 0.25, А. Кузнецов — 0.50, Андрей Жук — 0.25, И. Головейко — 0.25, А. Артюк — 0.25, С. Привалов—0.25, Сазон Лаврик — 0.25, Джон Кота — 0.25, П. Сторозор — 0.25, Ф. Францевич — 0.25, А. Гордейко — 0.25, М. Громыко — 0.25, Рошан Коммунити Сосаэти, Эмбридж — 2.00. Всего — 9.25.

Нью-Гейвен. Собрано по подписному листу 44 Отделом РООВа 15 долларов. Жертвовали: И Гуцул — 0.25, И. Житов — 1.00, Д. Панкрат — 0.25, Г. Заврицкий — 0.25, И. Волков — 0.25, А. Рапецкий — 0.25, Ф. Бернацкий — 0.25, А. Магель—0.25, П. Болаш — 3.00, В. Макаревич — 0.25, В. Шарохо — 0.25. Из кассы 44 Отдела РООВ — 8.50. Всего — 15.00.

Аустенбург, О. По листу № 143 собрано тов. Лахеем — 4 дол.: И. Луц — 2.00, М. Лахей—2.00.

Юнгстаун. Через т. Свободина получено от группы Юнгстауна 4.50, которые входят в ранее высланные т. Свободиным 25.00. Эта сумма составилась следующим образом: за № 103 „ДТ"—1.50, в фонд „ДТ" — 3.00. Жертвовали: Кубик, П. Смит и С. Кодрук по 1.00 долл.